

VITA NOSTRA.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

Марина и Сергей Дяченко
Vita Nostra. Работа
над ошибками
Серия «Метаморфозы», книга 4
Серия «Метафантастика
Марины и Сергея Дяченко»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65923966

Марина и Сергей Дяченко. Vita Nostra. Работа над ошибками: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-156602-9

Аннотация

Прямое продолжение романа «Vita Nostra». Институт специальных технологий города Торпа, где подростков превращают в Слова великой Речи. Друзья, враги, любовь студентки Александры Самохиной с поправкой на взросление – и на осознание того, что мир несовершенен, а Сашка, с ее колоссальными возможностями, может его изменить. Если поймет, как избавиться от страха.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Марина и Сергей Дяченко

Vita Nostra. Работа над ошибками

© Дяченко М. Ю., Дяченко С. С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Эмоциональная насыщенность произведений Дяченко запредельна, они требуют от читателя такого самоотождествления с персонажем, что это можно сравнить только с острой влюбленностью...

Журнал «Питерbook»

Философский трактат о взрослении и природе

реальности.

Booklist

Пролог

Александра проснулась, когда ее темно-синяя «Шкода» пересекла осевую и вылетела на встречу. Прямо в лоб шел пригородный автобус, его фары сверкали, как рампа. Александра ослепла; автобус заорал нечеловеческим голосом, в тон ему заорал, наверное, водитель, но ругательства тонули в механическом вое. Ничего не видя, повинуясь инстинкту, Александра вывернула руль направо, потом налево. Машина, визжа тормозами, вынеслась на обочину, на брюхе съехала вниз, к реке, и замерла в полуметре от бетонной опоры моста.

Александра выключила мотор и некоторое время сидела, слушая скрипы и стоны в машине. Наверху вопили сирены на разные голоса; никогда прежде Александра Конева, а в прошлом Самохина, не засыпала за рулем.

Она посмотрела на часы: пять утра. Почти двое суток они с мужем провели на даче, занимаясь отнюдь не любовью. Начали как ответственные взрослые собеседники, знающие цену договоренности. Но разговор пошел дальше, и дипломатический лоск слетел, будто фальшивая позолота. Сперва переговорщики растеряли спокойствие, потом показную доброжелательность. Потом разошлись на время, чтобы остыть и собраться с силами. Потом начали новый раунд и почти сразу скатились к примитивной, визгливой, от-

вратительной сваре.

То, что брак сохранить не удастся, ясно было давно. Александра надеялась, что хотя бы развод будет цивилизованным. Но – нет. Теперь она отлично понимала, что отдала пятнадцать лет жизни никчемному, пустому, злобному и мстительному человеку.

Не дожидаясь рассвета, она села в машину и поехала в город, и дорога успокоила ее, почти умиротворила, и странным образом внушила надежду: в конце концов, жизнь не закончена, ей всего лишь тридцать пять. Расслабившись после ужасных двух дней, она уснула моментально – сжимая руль и глядя на дорожную разметку, как на маятник гипнотизера...

Прямо в лоб шел пригородный автобус.

* * *

– Что случилось, Сашхен, где машина? Почему ты приехала на такси?!

Мама стояла в дверях своей комнаты, в халате поверх ночной рубашки, и смотрела, по обыкновению, тревожно. Она тревожилась из-за каждой ерунды, поэтому Александра никогда не говорила ей правды.

– Заглохла на трассе. Вызвала аварийку, увезли в автосервис. Не волнуйся, просто мелкая поломка. Спи.

– А что Иван? – спросила мама тоном ниже.

– Иван передавал тебе привет... Все нормально. Бойлер на даче он поменяет сам.

Александра удалилась к себе; ее тринадцатилетняя дочь Аня ночевала сегодня у подруги, это было решено заранее. Аня обожала ночевать не дома – ей было тесно в двухкомнатной квартире под присмотром сварливой бабушки и вечно отстраненной матери.

Александра села перед письменным столом и замерла, опустив голову. Смерть, пролетевшая мимо, подарила ей короткую истерику, потом эйфорию минут на сорок, а теперь подкатывал приступ депрессии. На столе меняла картинки автоматическая фоторамка – такие были в моде много лет назад. Рамка хранила трогательные старые снимки: мама и юная Саша на море. Сашин выпускной вечер. Сашино посвящение в студенты университета. Сашина свадьба с Ваней Коневым. Саша с маленьким свертком на выходе из роддома. Мама с младенцем Аней на руках. И снова: мама и юная Саша на море...

Слайд-шоу прекратилось. Фотография замерла, не меняясь. Мама и Саша, загорелые и счастливые, позировали на кромке прибоя, бликовало на солнце море, и краснел в отдалении металлический буюк, за который заплывать строго запрещается...

Александра осознала вдруг, что за ее спиной, в комнате, кто-то есть. И поняла, что оглянуться не сможет.

– Мама, это ты?!

Нет ответа. Это не мама и не Аня. И не Иван передумал и явился с дачи. Это что-то другое, простое и невообразимое. Как дурной сон, от которого хочется спрятаться под одеяло.

– Кто это?!

– Я, – сказал за ее спиной тихий слабый голос.

Александра обернулась. В трех шагах, посреди комнаты, стояла девушка лет двадцати, в джинсах и легкой куртке, с лямками рюкзака на плечах. Волосы ее были собраны в хвост, а в огромных глазах стоял такой ужас, как если бы девушка смотрела на маньяка с циркулярной пилой.

Александра вскочила; долгих несколько секунд она не могла понять, на кого похожа визитерша. Потом сообразила, и ее будто дернуло током: эффект «зловещей долины». Девушка была страшно похожа на Сашу Самохину на четвертом курсе универа и одновременно не похожа, и нельзя было с первого взгляда определить, в чем подвох. Прибытие внезапной юной родственницы – потрясение, небывальщина, но такое случается, и можно смириться. Прибытие двойника из прошлого, да еще такого странного, искаженного двойника...

Некоторые кошмары обходятся без чудовищ и пожаров, но от их обыденности сходишь с ума.

– Вы кто?! – крикнула Александра.

Девушка мигнула и, все больше бледнея, сделала шаг вперед. Александра попятилась и налетела на угол стола. Девушка примирительно улыбнулась сухими губами, протяну-

ла руку и коснулась ее плеча.

У Александры закружилась голова. Прикосновение было как точка входа в другую реальность, как пробоина в борту космического корабля, сквозь которую вливается космос. Как если бы два пятна свежей краски оказались рядом, и одно из них разлилось, поглощая другое. Девушка вошла в сознание Александры, в ее память, в ее существование.

Тогда Александра выкрикнула, обороняя свой рассудок:

– Я хочу, чтобы это был сон!

Она проснулась, когда ее темно-синяя «Шкода» пересекла осевую и вылетела на встречу. Прямо в лоб шел пригородный автобус, его фары сверкали, как рампа. Александра ослепла.

Глава первая

На трассе собралась пробка, мерцали проблесковые маяки и завывали сирены. Водитель автобуса почти не пострадал, темно-синяя «Шкода» разбилась в лепешку. «Тетка, по ходу, уснула за рулем», – отчетливо сказал фельдшер «Скорой». Либо Сашка, стоя на обочине в ста метрах от него, прочитала слова по губам.

Александра Конева, в прошлом Самохина, погибшая сегодня на шоссе, никогда не училась в Институте Специальных Технологий. Она жила своей жизнью, не имея понятия о великой Речи, не осознавая себя Глаголом в повелительном наклонении. Сашка не знала, завидовать той женщине или сочувствовать.

Вчера, тринадцатого января, Сашка Самохина, студентка Института, отправилась на главный в своей жизни экзамен. Теперь она стоит на обочине, трясясь от сырого ветра, и почему-то уверена, что сегодня первое сентября...

Но какого года?!

Люди вокруг посматривали на нее с подозрением. Сашка отыскивала свое отражение в первом попавшемся автомобильном зеркале – обычная девушка, без чешуи и без перьев, разве что выражение лица потрясенное, но ведь все здесь потрясены. Когда такое случается – ну вот такое, как сегодня на трассе, – каждый невольно задумывается о хрупкости соб-

ственной жизни...

«Скорая» отъехала. Тело под брезентом по-прежнему лежало на обочине, над ним курили хмурые полицейские. Остатки машины подцепил крючком эвакуатор. Сашка хотела подойти и понимала, что приблизиться не сможет: она боится эту женщину, живую или мертвую.

Кто из них был чьей проекцией? Либо обе они были проекциями одной идеи? Погибшая Александра никогда не встречалась с Фаритом Коженниковым...

Сашка завертела головой, вглядываясь в лица людей вокруг, высматривая человека в непроницаемых черных очках. Зеваки выбирались из застрявших в пробке машин, кто-то снимал на телефон, кто-то – пассажир автобуса – утирал кровь с разбитого лица. Ни один из людей на обочине не носил темных очков пасмурным ранним утром. Может, Фарита Коженникова нет и никогда не было?!

Сашка вспомнила дикий ужас, с которым Александра смотрела на своего двойника. Нет, Фарита Коженникова нельзя отменить, он в каждом осколке текста, в каждом черновике, наброске, в любой грамматической конструкции. «Невозможно жить в мире, где вы есть», – когда-то сказала ему Сашка. «Невозможно жить в мире, где меня нет, – ответил он тогда. – Хотя смириться со мной трудно, я понимаю».

Там, на экзамене тринадцатого января, что-то пошло не так. А значит, Сашка наказана. Через минуту она снова очнется перед знакомой дверью детской комнаты, войдет и уви-

дит Александру – себя, какой она была бы без Института. Присвоит эту женщину и увидит всю ее жизнь, тогда Александра в ужасе захочет проснуться и вылетит на встречу, раздастся вой и скрежет, и все повторится опять.

Сашка сдавила виски кончиками пальцев, будто собираясь загнать панические мысли обратно. Что-то проскользнуло в их мутном потоке, здравая идея, возможно, решение, подмога, выход...

Сашка хорошо училась в Институте Специальных Технологий. Она умеет не только присваивать изнутри людей и предметы, но и размыкать временные кольца. Чтобы вырваться из закольцованного кошмара, надо сделать так, чтобы Александра не погибла.

От моментальной надежды у Сашки заколотилось сердце и вспотели ладони. Отойдя подальше от обочины, она поставила рюкзак на влажную от росы траву, опустилась рядом на колени, не жалея брюк, и начала торопливо шарить внутри: тетради. Конспекты по философии. Засохшая булка в пластиковом пакете. Сколько лет этой булке, откуда она взялась в рюкзаке?! Во внутреннем кармане – кошелек... почти пустой, с какой-то мелочью и талонами в столовую. Блокнот – почти чистый. Пенал с карандашами... Для того, чтобы управлять течением времени, Сашке нужны карандаши и бумага, и, конечно, все невозможные для человека умения, которым ее научили в Институте...

Сквозь толпу и пробку, сигналиая, проползала новая маши-

на – она явилась за телом. Трясаясь в ознобе, Сашка смотрела то на карандаш в своих руках, то на чистый бумажный лист.

Она умела, а теперь не умеет. Она справлялась, а теперь не справится.

Из кошмара не вырваться, ничего не изменить, Сашка заперта в безвременье. Все пойдет по кругу – ужас от встречи с двойником. Отраженный страх той женщины. Грохот и вой катастрофы. И опять.

– Я хочу, чтобы это был сон, – прошептала Сашка.

Ничего не изменилось.

Пробка рядом на дороге никак не желала рассасываться, хотя разбитый автобус уже оттащили к обочине, и полицейская машина исчезла. Еще полчаса – и память о катастрофе останется только в ленте сетевых новостей, да и то уползет вниз уже к полудню, но для Сашки полдень никогда не наступит...

– Саша.

Она содрогнулась, как от удара. Обомлела. Значит, в схему ее личного ада входит еще и встреча с Фаритом Коженниковым.

– Идем, – сказал он негромко и буднично.

Куда? Это что-то новое?!

– Они говорили мне, что я сдам экзамен, – прошептала Сашка, по-прежнему не оборачиваясь. – Они говорили, что я лучшая студентка и обязательно сдам... Они...

Она заплакала и поднялась, не желая стоять перед ним на

коленях.

* * *

Давным-давно была зима. Группа «А» третьего курса сидела за столами, как за партами, из приоткрытой форточкой тянуло морозным холодом, а батареи шпарили так, что над ними дрожал воздух.

«Сегодня тринадцатое декабря, – говорил преподаватель Николай Валерьевич Стерх, – это означает, что до экзамена остался ровно месяц. Это время потребует от вас всех ваших сил. К сожалению, экзамен нельзя пересдавать – вам дается одна попытка...»

Фарит открыл перед Сашкой дверцу черного внедорожника. Она вспомнила, как сквозь туман, что раньше у него был молочно-белый «Ниссан»; вне зависимости от марки, Сашка всегда ненавидела садиться в машину к своему куратору.

«Сегодня я расскажу вам подробно, как будет проходить экзамен, – говорил тогда Стерх. – Это поможет вам в решающий момент не растеряться и быть готовыми к испытанию. Итак, тринадцатого января ровно в полдень мы все – группы «А» и «Б» – входим в актовом зал и рассаживаемся. Знакомимся с экзаменационной комиссией. Не волнуемся, не нервничаем...»

Сашка скорчилась на пассажирском сиденье, пытаясь не думать, чем эта поездка для нее закончится. Даже повторя-

ющийся кошмар с гибелью двойника уже не казался таким ужасным; возможно, Сашка всей душой еще захочет вернуться в свой закольцованный бред.

Черный внедорожник объехал пробку по обочине.

«Всего заданий три, – говорил Стерх тогда, в глубоком прошлом. – Первые два типовые, третье индивидуальное, подобранное для каждого в соответствии с его будущей специализацией. В процессе его выполнения вы закончитесь как человек и начнете как Слово; вы первый раз прозвучите, мои дорогие, а это дорогого стоит...»

Впереди показался въезд на платную трассу. Черный внедорожник прокрался через ворота с датчиками и моментально набрал ход по гладкому, как масло, дорожному полотну. Вчера было тринадцатое января – сейчас начало осени.

Что случилось на экзамене?! Сашка грызла губы, пытаясь вспомнить. Зал, однокурсники, преподаватели, старые деревянные ступеньки, канцелярские столы. Вот она получает задание... садится за стол... и наступает темнота.

– Нет, ты не помнишь, что там произошло, – Фарит Коженников наконец-то нарушил молчание. – Не пытайся. Прими как данность: экзамен был, он состоялся.

– Мои однокурсники, – Сашка сглотнула, – они... сдали?

– Кто-то сдал, кто-то нет, – Фарит перестроился на крайнюю левую полосу. – Как обычно.

– А Костя?!

Он не изменился в лице, только чуть приподнял уголки

губ. Костя сдал, подумала Сашка, иначе Фарит не ухмылялся бы так спокойно... Или нет? Почему бы просто не ответить, не сказать сейчас – «сдал» или «двойка»?!

– Напомни, что тебе обещали за провал на экзамене? – мягко осведомился Фарит, и мысли о Косте сразу вылетели у Сашки из головы. «Участь хуже смерти» ей обещали. Всем, кто не сдаст. И мотивировали таким образом к прилежной учебе.

– Так вот, ваша встреча с Александрой и ее гибель – вовсе не то, чем тебя запугивали, – сказал Фарит. – Это не стандартная расплата за провал... это вообще не расплата.

Он сидел, небрежно развалившись, на дикой скорости придерживая руль одной рукой. В его темных очках отражались, сливаясь в движении, деревья и обочины, и подернутое облаками небо. Сашка молчала, пытаясь осознать его слова. Значит, расплата еще впереди?!

– Нет, – сказал Фарит. – Я тебя выкупил, Саша.

Обочины размазывались в движении, деревья и постройки улетали назад, будто снесенные ураганным ветром.

– Я объясняю понятным тебе языком, – после паузы продолжал Фарит. – Хотя по сути, конечно, все сложнее. Выкупил – в смысле переменял участь. Если ты немного подумаешь, то догадаешься, что и как я сделал.

Сашка открыла рот, чтобы признаться, что думать ей в настоящий момент нечем, как дохлой жабе на обочине нечем летать. И в ту же секунду вспомнила: день накануне экзаме-

на. В камине догорали старые конспекты, бумажки, черновики. Фарит позвонил в дверь, и она первый раз в жизни не испугалась его появления: спокойная, собранная, она готовилась к экзамену, верила в свои силы и осознанно желала победы.

Тогда Фарит сказал: «Как твой куратор я официально предлагаю тебе освобождение от экзамена. Освобождение от учебы в Институте. Тебе снова будет шестнадцать лет. Все, что было позже, окажется сном и забудется».

Любой из ее однокурсников отдал бы правую руку за подобный шанс.

«Скажи: «Я хочу, чтобы это был сон», – говорил Фарит. – И проснешься на раскладушке в съемной квартире, рядом с мамой, на морском курорте. И ничего не повторится. Меня не будет. Не будет Института. Поступишь на филологию... Ну, решилась?»

Это было едва ли не самое страшное в ее жизни искушение. Из-за нахлынувших слез Сашка с трудом могла разглядеть своего куратора, а он тем временем снял темные очки – что делал только в исключительных случаях.

«Решилась, – сказала она, рыдая. – Я хочу окончить Институт. Стать частью Речи. Прозвучать. Я пойду завтра на экзамен».

Его глаза будто осветились изнутри, Сашка отшатнулась. «Это твое последнее слово?» – спросил он вкрадчиво. И Сашка зажмурилась: «Да».

... Черный внедорожник летел по трассе, и пейзажи вокруг оставались позади и в прошлом. Допустимая скорость на шоссе была огромная, но Фарит, кажется, и ее превышал.

– Вспомнила? – спросил удовлетворенно, будто заранее радуясь Сашкиной хорошей памяти.

– Но ведь я, – она почувствовала себя раздвоившейся, удивившей в провал между тем зимним днем и этим почти летним, – я в тот раз... Я отказалась!

– А она, – сказал Фарит неторопливо, с оттяжкой, – она согласилась и очень обрадовалась.

Развилка, подумала Сашка. Он поймал меня на развилке. Я пошла на экзамен... но другая я, та, что согласилась вернуться в прошлое, проснулась на раскладушке в городе у моря, в шестнадцать лет. И в ее жизни не было никакого Фарита. Ни золотых монет. Ни Института Специальных Технологий. Та девушка видела страшный сон... и потом забыла его. Поступила в обычный университет. Выскочила замуж за Ваню Конева. А потом... потом... уснула за рулем и вылетела на встречу.

– Вы сделали резервную копию, – прошептала Сашка. – Другую проекцию... меня.

– Грубо сформулировано, но точно по смыслу, – он усмехнулся.

– И вы убили ее, потому что я... провалила экзамен?!

– Ее убил второй закон Ньютона, – сказал он с сожалением. – Ускорение прямо пропорционально вызывающей его

силе и обратно пропорционально массе материальной точки.

– Но ведь это я провалила экзамен! А в автобус врезалась она!

– Эта женщина, – сказал Коженников, – существовала на свете только для того, чтобы врезаться в автобус.

Сашка ощутила, как спина под тонким свитером покрывается инеем.

– Вся ее жизнь, – безжалостно продолжал Коженников, – была привязана к моменту смерти, как реализации замысла. Жизнь была негодная, унылая и пустая, а вот смерть...

Сашка почувствовала обиду, будто при ней унизили близкого человека:

– Нормальная жизнь! Она до последнего пыталась сохранить семью... Она никого не насиловала, не обижала... даже на встречной полосе – она никого не убила! Почему вы говорите о ней в таком тоне?!

– Ты права, я к ней предвзят, – сказал он после паузы, к огромному Сашкиному удивлению. – Видишь ли, она струсила и отступила. И получила то, чего заслуживала. В общем зачете – совсем не плохо, ну согласишься. Она даже испугаться не успела.

– А я? – Сашка вдруг охрипла.

– Что – ты?

– Что заслужила я? – спросила она почти беззвучно. – Что со мной будет?

– Все будет хорошо, – сказал он легко, но с подтекстом. –

Если ты, конечно, проявишь себя дисциплинированным человеком.

Эту фразу он говорил ей в отрочестве, в момент кромешного ужаса и жалобного удивления: за что?! Почему я, в чем я провинилась, чем это заслужила?! Сашке сделалось еще холоднее, она съежилась, желая полностью утонуть в массивном кресле внедорожника.

По-прежнему глядя на дорогу, Коженников включил обогрев в салоне:

– Тебе придется вернуться в Институт и сделать работу над ошибками. Это больше, чем просто начинать с чистого листа. Четвертый курс будет непростым.

Он по-прежнему придерживал руль расслабленно, двумя пальцами. У Сашки мелькнула дикая мысль, мерзкая и притягательная: если на такой скорости взять да и вывернуть руль в сторону, успеет ли Фарит остановить ее?

– Ты как маленькая, – пробормотал он укоризненно. – Первый курс, истерики, фантазии... Перестань.

Он на секунду включил «дворники», сметая с лобового стекла трупы разбитых мошек.

– Я просто мошка, – сказала Сашка, не успев подумать. – Ускорение прямо пропорционально вызывающей его силе...

– Стоп, – он на секунду повернул к ней голову. – Ты прекрасно знаешь, что я не требую невозможного. Трудно, да. Но реально. И поверь, я избавил тебя от куда худшей участи. И поверь, это было не просто.

Сашка сдвинула рюкзак на своих коленях так, что хрустнули карандаши внутри.

– А... зачем?

– Мне с тобой интересно, – он, кажется, не шутил. – Ты опять оказалась не тем, кем считали тебя преподаватели. Мне любопытно, на что еще ты способна... И что из тебя получится. Может статься, что ничего, и тогда я напрасно играю с тобой в бирюльки посредством времени, пространства и искаженной реальности.

– Вы играете, – Сашка сама услышала, каким глухим, тяжелым и старушечьим сделался ее голос на этих словах. – Играете... А... Валентин?

– Какой Валентин? – спросил Фарит с чуть подчеркнутым, деланным удивлением.

– Муж моей мамы, – выговорила Сашка, уже все понимая, но не желая верить. – Отец ее сына... моего брата... который родился, когда я была на втором курсе...

– Валентин, – сказал Коженников, – их внезапная любовь с твоей мамой, ребенок... были нужны, чтобы тебя без эксцессов отпустили учиться в Торпу. Александра не поступила в Институт – ее мать никогда не сошлась с Валентином – их сына нет и не было.

– Как не было? – тупо переспросила Сашка. – Как не было?!

– Он не родился, – мягко объяснил Коженников. – Зато есть другой ребенок – дочь Александры Самохиной и Ивана

Конева.

– «Зато»?!

– Есть мать Александры Самохиной, – продолжал он терпеливо, – которая не вышла замуж повторно, не доверяет мужчинам и не нуждается в личной жизни. Тебе ли не знать, что абсолютны только идеи, а проекции... проекции ложатся по-разному, как тени на стенах пещеры.

Сашка несколько минут молчала, укладывая в голове фрагменты разбитой и заново собранной реальности. Любила ли она брата? Была ли по-настоящему к нему привязана? Стоит ли его оплакивать, ведь он не умирал – он не родился и не был зачат? Но Сашка-то помнит его запах, его младенческий зимний комбинезон, его улыбку...

А потом ей сделалось так жалко маму, что перехватило горло. Никакой любви, ни нового замужества, ни семьи... Стыдно было вспомнить, как Сашка ревновала, когда у мамы с Валентином завязался роман. Как считала маму чуть ли не предательницей. И вот – ее мать совсем другой человек, с другим опытом, да еще и раздавленный своей потерей.

– Это по-людоедски, – сказала она вслух.

– Да что ты говоришь, – Фарит хмыкнул. – Посмотри с другой стороны: дочь погибшей Александры почти взрослая, а ее мать найдет утешение во внучке. По-людоедски я тоже могу, но ты пока не давала мне поводов.

Мотор работал бесшумно, казалось, машина стоит на месте, и только дорога, как лента, бешено несется, укладываясь

под колеса. Сашка не помнила в прошлом таких дорог. Она не помнила таких машин и таких дорожных знаков: Сашка провела в безвременье долгие годы, а теперь вывалилась, как муха из янтаря, в мир, который заметно изменился – и ощущаемо остался прежним. И что теперь с этим делать?

Сашка прислушалась к себе. Да, она была потрясена, но не раздавлена. Обучение в Торпе не прошло даром: даже рухнувшее небо она готова принимать как очередной урок.

– Я хочу их увидеть, – сказала Сашка и с неудовольствием услышала в своем голосе просительные нотки. – Это ведь по-прежнему моя мама, так, хоть и постаревшая? А девочка... она ведь... моя дочь? Биологически?

– Ты правда думаешь, что они обрадуются?

Сашка сглотнула. Вспомнила, с каким диким ужасом смотрела на нее Александра Конева. Она, Сашка, и для своей постаревшей мамы, и для неведомой дочери – ходячий кошмар...

– Что значит – «биологически»? – он заговорил тоном доброго, но утомленного ментора. – Ты, что ли, обезьянка? Ты информационный объект, Саша. Грамматически эти люди к тебе не имеют отношения.

– Тогда непонятно, – прошептала Сашка, – кого вы собираетесь убивать, если я стану плохо учиться?

– А ты осмелела, – пробормотал он и ухмыльнулся, и от этой ухмылки у Сашки онемели щеки.

В аэропорту, стоя в туалете перед зеркалом, она потратила несколько минут, всматриваясь в свое лицо, мысленно сравнивая его с лицом погибшей Александры Коневой. Надо же было догадаться – так рано выскочить замуж, да еще и за Ваньку... То-то, наверное, завидовали одноклассницы...

«Рейс через полтора часа, – сказал, провожая ее, Фарит Коженников. – Тебе придется очень быстро бегать по коридорам, не опоздай».

Она спешила. Она бежала, но зеркала притягивали, хватали, лепили к стеклу, будто комочками жвачки. Сашка останавливалась у всякой отражающей поверхности и всматривалась в себя, пытаясь заново познакомиться. Протянуть мостик между собой-прежней и собой-теперь. Спихватившись, снова бежала: до вылета оставались считанные минуты.

Зеркала не желали ей помогать. Всякий раз Сашка отражалась по-новому, то бледная и больная доходяга, то вполне румяная и уверенная в себе двадцатилетняя особа. В свое время преподаватели уверяли, что после экзамена на третьем курсе она окончательно перестанет быть человеком, и Сашка ждала этой минуты, как освобождения: все человеческое, что еще оставалось в ней после первых лет учебы, мешало и ставило границы, держало, как прикованная к щиколотке гиря. Теперь она все яснее понимала, что провал на

экзамене загнал ее обратно в человеческую оболочку, и это было так же невероятно, как если бы фарш в мясорубке потек в обратном направлении и превратился в цельный, жесткий кусок мяса.

Проходя мимо телефона-автомата, она замедлила шаг. Прямо-таки увидела воочию, как берет трубку и набирает знакомый с детства номер, а на том конце провода – шок и горе. И что сказать? «Мама, это я... Нет, авария была. Нет, я не вру. Это правда я, ты узнаешь мой голос?!»

Ни в коем случае. Только не сейчас. Потом Сашка обязательно что-нибудь придумает.

«Мой телефон остался прежним, – сказал Коженников. – Надо будет, позвони. Но постарайся не доводить до дисциплинарных взысканий. Договаривайся с педагогами».

По радио объявили, что посадка на борт до города Торпа заканчивается.

* * *

В самолете Сашка окончательно потеряла чувство реальности.

Прежде в Торпу ей всегда приходилось добираться на поезде, тот останавливался у маленького вокзала на одну или две минуты, всегда в четыре утра. А еще раньше были поездки на поезде с мамой, Сашка любила их – пока не встретила Фарита Коженникова... Самолеты ее мама терпеть не мог-

ла, Сашке доводилось летать всего-то несколько раз в жизни. Мамина нервозность на борту передавалась дочери – обе вслушивались в шум моторов, ловя признак неисправности, и всматривались в лица стюардесс, желая понять, не прячется ли тревога или даже паника за профессионально-доброжелательными личинами. А если по пути случалась турбулентность – Сашкина мама переживала паническую атаку и всякий раз потом клялась, что никогда в жизни больше не купит билет на самолет...

Теперь Сашка летела одна, впервые в жизни и впервые без страха падения. Если Фариту Коженникову было угодно отправить ее в этот рейс – самолет приземлится благополучно хоть на Марсе, хоть на обратной стороне Луны. Все, что Сашка успела пережить накануне, все, что ждало ее впереди, было суровее и жестче любой дурацкой турбулентности.

Она смотрела вниз, на лоскуты полей и завитушки рек, и не была уверена, что пейзаж не нарисован кем-то на внутренней поверхности ее глаз. Зима, лето, мама, без следа пропавшие люди и другие, возникшие из ниоткуда, – Сашка усилием воли согнала мысли в круг, как отару разбежавшихся овец, и заставила себя думать только о том, что видно, слышно и ощущается. Запах пассажирского салона, не противный, но и не очень приятный. Свет из круглого окна, очертание крыла с логотипом авиакомпании. Удобное кресло, кисловатый яблочный сок из пакета, пластиковая соломинка на языке...

– Уважаемые пассажиры, – послышался в динамиках голос стюардессы. – Командир корабля включил сигнал «пристегнуть ремни», это значит, через несколько минут мы войдем в зону турбулентности. Просьба всем занять свои места... мужчина, куда вы лезете?!

Коренастый мужичок в клетчатой ковбойке как раз поднялся из кресла, чтобы открыть багажное отделение у себя над головой.

– Займите места! Пристегните ремни! – взвизгнула стюардесса, а пассажир отозвался обиженно и невнятно, в том духе, что незачем на него кричать.

Сашка с интересом наблюдала за их перепалкой, когда самолет тряхнуло с такой силой, что пакет из-под сока, к счастью, к тому моменту почти пустой, вылетел из Сашкиной руки и скрылся под соседним креслом. Тряхнуло еще раз. Человек в ковбойке придержал валяющиеся на голову чемоданы, да так и застыл в позе атланта, чье небо вот-вот упадет. Стюардесса ловко толкнула «ковбоя» в кресло, а сама вступила в бой с багажом, пытаясь защелкнуть замок...

Самолет затрясло непрерывно, как игрушку на резинке.

Немолодая женщина, сидевшая через проход от Сашки, начала вслух молиться. Мужчина в костюме с галстуком, ее сосед, так струсил, что заорал фальцетом, матерно веля ей замолчать. Где-то в начале салона завопил младенец. Через несколько секунд молились вслух уже все – кроме орущего ребенка, стюардессы, пытавшейся справиться с багажной

полкой, и Сашки, которой все, творящееся вокруг, казалось игрою света на поверхности мыльного пузыря.

А потом пузырь лопнул. Сашка почувствовала вес своего тела, пропасть под сиденьем – километры пустоты. И здесь же, под крыльями, заполненные топливные баки. Куда, в какое пекло мог вот так отправить ее Фарит Коженников, в какой филиал Торпы за «работой над ошибками»?!

И она испугалась – до дрожи, до тошноты, до железного привкуса во рту, а самолет раскачивался, стюардесса ползла по проходу на четвереньках, ребенок захлебывался криком...

– Уважаемые пассажиры, – послышался голос в динамиках, – говорит командир экипажа Ярослав Григорьев. Мы находимся в зоне турбулентности, это совершенно нормально, безопасно и сейчас закончится. Пожалуйста, оставайтесь на местах и соблюдайте спокойствие!

Голос был ровный, глубокий, самую толику раздраженный, но в нем звучали особенные «родительские» нотки, достигающие подсознания: я рядом. Прекрати истерику. Ничего не случилось. Что ты как маленький.

Младенец первым услышал скрытый в обычных словах приказ и заткнулся, будто его выключили. Стюардесса, красная как рак, взгромоздилась на свое место и пристегнулась. Люди один за другим замолчали, кто-то даже пошутил, кто-то нервно засмеялся. Самолет в последний раз покачнулся и дальше заскользил, как по гладкой дороге, как по надеж-

нейшей твердой тверди. Люди, которым сделалось весело от хороших новостей и стыдно за свой детский страх, принялись старательно делать вид, будто ничего не произошло, и только стюардесса потирала колени и злобно поглядывала на мужичка в ковбойке...

Сашка хотела, чтобы самолет поскорее приземлился и чтобы полет продолжался вечно, эти желания переплетались в сердце и животе, Сашка чувствовала их, как голод и жажду. Наконец снова включился сигнал «пристегнуть ремни», и тот же голос в динамиках проговорил невозмутимо:

– Через несколько минут наш самолет произведет посадку в аэропорту города Торпа...

Он приземлился так мягко, будто полоса была намазана медом. Пассажиры с облегчением зааплодировали – все, кроме Сашки, она уже думала о другом. Реальность переключилась, будто кадр старинного диафильма: она снова в Торпе. Сегодня первое сентября. Если специальность на первой паре, то гарантирован прогул...

Аэропорт был размером чуть больше газетного киоска; новенькая надпись «Торпа», и другая, «апроТ», располагались друг против друга. Прежде никакого аэропорта здесь не было, да и зачем он нужен в маленьком, потерянном на карте городишке?

Сашка проследовала за толпой пассажиров, как щепка за потоком.

– Такси! – крикнул мужчина в старомодной джинсовой

кортке. – Девушка! Надо такси?

Он верно оценил выражение Сашкиного лица, потерянный взгляд, рюкзак, судорожно прижатый к груди. Приветливо повел рукой, указывая на ярко-желтую, как лимон, немолодую машину:

– Добро пожаловать в Торпу!

– А... сколько?

Он назвал цену, и Сашка мигнула. Фарит Коженников выдал ей конверт с деньгами в счет стипендии, и этих денег как раз должно было хватить на проезд. Она понятия не имела, что сейчас почем, ей просто надо было попасть в институт как можно скорее.

Таксист, улыбаясь во весь рот, пригласил ее в машину. Сашка опустилась на потертое сиденье, погружаясь в запах въевшегося табака и «хвойного» освежителя воздуха. Но за секунду до того, как дверца захлопнулась, ее перехватила чья-то рука:

– Одну минуту...

Сашка вздрогнула от этого голоса и повернула голову. Рядом с таксистом стоял мужчина в белой рубашке пилота, с черными погонами на плечах, без фуражки. Его лицо было желчным и злым, и Сашка снова испугалась: как будто человек с таким лицом сейчас вытащит ее за волосы из машины, обвинит в чем-нибудь, вызовет полицию...

– Сколько-сколько ты с нее потребовал, дядя Боря? – тихо спросил пилот.

Таксист пробормотал что-то сквозь зубы.

– Я очень спешу, – сказала Сашка пилоту, будто оправдываясь.

– Он вас обирает, – отозвался тот отрывисто. – Нагло обворовывает. Выходите, я довезу бесплатно, мне все равно в город.

– Улетал бы ты, – таксист сплюнул.

– Выходите, – пилот требовательно смотрел на Сашку, не достаивая таксиста взглядом. – Вам куда, в институт?

* * *

У него была серебристая «Мазда», на заднем сиденье валялся чемодан на колесиках и фуражка.

– Я вашим рейсом прилетела, – сказала Сашка.

– В Торпу, – он вырулил с парковки, – один рейс дважды в неделю, утром сюда, ночью обратно. Дурацкое, если честно, расписание, но у меня шкурный интерес... Отец тут. Машины оставляю на долгой стоянке. Все равно отец уже не водит, он почти слепой.

– Значит, вы вечером улетаете, – сказала Сашка.

– Да, поздно вечером, – он вырулил на трассу. – Извините, что влез не в свое дело, но терпеть не могу наглых грабителей. И я ведь этого таксиста с детства знаю, был достойный когда-то мужик... Эх.

– Турбулентность, – тихо сказала Сашка.

– Жизнь, – отозвался он невозмутимо. – Неприятно. Но что поделаешь.

– Я про сегодняшний рейс...

– А, это, – он чуть улыбнулся. – В турбулентности самое опасное – получить чемоданом по башке. Это же не грозовой фронт...

Сашка бы с удовольствием и дальше слушала его голос, но он перестроился в крайнюю левую полосу и замолчал. Ах да, он ведь помнит, что она торопится...

– Вас зовут Ярослав? – спросила она, чтобы снова его услышать.

– Да, – он не был настроен на пространные разговоры.

– Меня Александра.

Он кивнул, будто принимая к сведению. За окнами проносились новостройки, разноцветные и при этом однотипные, блестели ряды окон, тянулись вертикальные поля балконов и лоджий.

– Торпа ужасно изменилась, – сказала Сашка. – За последние пятнадцать лет.

– А вы здесь жили раньше? – он, кажется, удивился. – В детстве? Раз помните, какой она была?

– Мне рассказывали, – брякнула Сашка невпопад и поспешила сменить тему: – А как вы узнали, что мне надо в институт?

– Вы прилетели первого сентября, вы куда-то опаздываете, и еще... с таким потеряннным видом в Торпу прибывают

только студенты.

– Дедукция, – Сашка горько усмехнулась.

– Я вас не обидел? – он быстро посмотрел на нее.

– Нет, конечно, – она изумилась самой мысли о такой возможности. – И часто студенты прибывают вашими рейсами?

– Не часто. Но бывает.

Спальный район наконец-то отступил, и машина въехала в исторический центр. Кирпичные здания, балюстрады и флюгера, черепичные крыши не изменились нисколько. Сашке на секунду показалось, что она снова в прошлом, что переводного экзамена не было, мало того – до него еще целая вечность...

Цифры электронных часов на панели перетекали одна в другую, время приближалось к одиннадцати. Реальность снова сделала скачок – машина уже катила по улице Сакко и Ванцетти, и зеленели липы на тротуарах. Как будто вчера они с Костей, первокурсники, тащились здесь со своими чемоданами. Как будто вчера...

Вот он, знакомый старый фасад. Вот табличка на двери, она тоже нисколько не изменилась: «Министерство образования. Институт Специальных Технологий». Сашка почувствовала, что не может встать и выйти из машины – затекли, онемели ноги...

– Вам точно не нужна помощь? – негромко спросил Ярослав. – Все-таки чужой город...

– Мне Торпа как родная, – призналась Сашка. – Извините.

Я...

В этот момент за высокой дверью института прозвенел звонок, еле слышный с улицы, знакомый до озноба по коже. Сашка забыла, что хотела сказать. Ноги сами собой вынесли ее из машины:

– Я опаздываю... спасибо... я пошла...

– Удачи, – сказал он ей вслед, как-то тихо и очень обреченно. Сашка на секунду обернулась на бегу, поймала его взгляд – глаза были ярко-зеленые. Сашка замедлила шаг; ей захотелось ответить. Тоже что-то ему пожелать. В конце концов, он очень помог ей, этот пилот, и в небе, и на земле...

Но звонок все еще звучал, а Сашка до сих пор не знала своего расписания.

* * *

С того дня в январе, когда Сашка в последний раз вошла в актовый зал, в холле провинциального вуза прошло четырнадцать с половиной лет; теперь понятно, отчего младшекурсники никогда не встречаются с теми, кто ушел на экзамен. Между ними стена из времени, которую даже новоиспеченное Слово не в состоянии пробить.

Статуя всадника по-прежнему высилась в центре вестибюля, утопая головой в полумраке верхних этажей. Обновленная будка вахтера походила теперь на пустой террариум, а на месте доски с расписанием имелось электронное табло.

Ни в холле, ни в коридорах, ни на лестнице не видно было ни души – все на занятиях.

С порога Сашка метнулась к расписанию. Не смогла поначалу разобраться в строчках и столбцах: ее однокурсники переведены на четвертый... стали старше на полгода... значит, Сашка тоже на четвертом курсе?!

Группа «А» начинала занятия со второй пары – аудитория номер один. Значит, преподаватель – Портнов, а он не терпит ни малейших опозданий; на ватных ногах, ступая по блестящему полу старыми разбитыми кроссовками, Сашка подошла к давно знакомой двери.

– Гольдман Юлия, – глухо слышалось изнутри. – Бочкова Анна. Бирюков Дмитрий. Ковтун Игорь...

Сашка подняла руку, чтобы постучать, и замерла – как если бы каменный памятник опоздал на занятие и уже на пороге вспомнил, что гранит не сходит с пьедестала. Голос за дверью звучал незнакомый, точнее, полужнакомый – и это не был голос Портнова. Переключку там, внутри, проводил кто-то другой.

Ни звука не слышалось в ответ. Никто не говорил «есть», как обычно. Никто не скрипел стульями, не кашлял, не дышал. Можно было представить, что неизвестный преподаватель сидит перед пустой аудиторией.

Сашка прильнула к двери, будто первоклассница за мгновение до учительского оклика: «Как не стыдно подслушивать?!» Она мысленно перебирала их имена, одно за другим,

как четки, ежесекундно опасаясь, что нить порвется. Выпавшее имя означало бы провал на экзамене, небытие, участь хуже смерти.

Секунды ее опоздания шли и шли, а она все прислушивалась, не решаясь постучать. Страх увидеть пустые стулья на месте выбывших сменился другим страхом – а что стало с уцелевшими? Во что превратились ее однокурсники после экзамена? Кого она встретит там, внутри?

В переключке возникла крохотная пауза. Сашка отлично помнила, какое имя в списке следующее, но преподаватель отчего-то не спешил его произнести, и от единой мысли, что это имя может сейчас не прозвучать, Сашка из гранитного памятника превратилась в оплывающий кусок воска. У нее подогнулись колени.

– Коженников Константин, – сказал преподаватель за дверью. Сашка зажмурила глаза так плотно, будто пыталась веками загнать их в глубь черепа: Костя сдал. Костя выжил.

– Коротков Андрей. Мясковский Денис, – глухо слышалось из-за закрытой двери. – Онищенко Лариса. Павленко Елизавета...

Следующей в списке значилась Сашка. Все еще зажмурившись, она еле слышно стукнула в дверь костяшками пальцев, услышала короткое «Да», переступила порог и только тогда, не сразу, открыла глаза.

Аудитория, похожая на школьный класс, выглядела ровно так же, как Сашка ее помнила. Фигурная решетка все так же

прикрывала окно, столы со стульями так же стояли в два ряда. За столами неподвижно сидели люди; Сашка осмелилась – и поглядела в лица своим однокурсникам. А они все как один смотрели на нее.

Человеческие живые глаза. Потрясенные взгляды. Сашка увидела себя во многих ракурсах – будто вместо единственной девушки на пороге аудитории появилась толпа теней, воспоминаний и стертых образов. Закружилась голова – показалось, ее размывает этими взглядами, разносит по ветру, как столб дыма; ее однокурсники сомневались, что она не наваждение и не бред, Сашка на секунду и сама в этом усомнилась.

Под ногами покачнулся пол. Сашка потупилась, не то чего-то стыдясь, не то отрезая от себя их взгляды, как кровельными ножницами режут проволоку.

– Самохина Александра, – сказал тот, кто сидел за преподавательским столом, и Сашке ничего не оставалось делать, как наконец-то посмотреть и на него.

Сперва не узнала. Потом задержала дыхание: два с половиной года она, да и весь курс, считала его физруком, юным и обаятельным профессиональным спортсменом. Милый Дим Димыч, любимец девушек, с которым многие флиртовали, а он героически не поддавался на провокации. Уже на третьем курсе, на экзамене, Сашка впервые увидела настоящую сущность физрука – сложную, мощную, жутковатую структуру. Теперь его молодое лицо казалось бесстрастным, нечелове-

чески-отстраненным, будто газовая маска, надетая на манекен. Глаза стеклянно поблескивали, черные зрачки пульсировали, то сужаясь, то растекаясь по радужной оболочке.

– Самохина Александра, – повторил бывший физрук, на этот раз с оттенком сомнения. – Вы опоздали.

Сашка ничего не ответила – во-первых, оправдываться было бесполезно, во-вторых, у нее отнялся язык.

– Садитесь, – сказал бывший физрук. – На любое свободное место.

От этих ли слов – либо от чего-то еще – Сашка заново ощутила твердость пола под ногами, напряжение сухой кожи на губах и тяжесть рюкзака в руке. Она, пожалуй, могла бы сейчас сделать шаг или даже произнести слово...

– Самохина, – он чуть повысил голос. – Садитесь! Идет занятие!

Покачиваясь, как теплоход на волнах, она двинулась по проходу между столами, к последнему ряду, к окну. Прошла мимо Дениса и Андрея, мимо Лизы, мимо Кости; всех их она знала как облупленных, видела боковым зрением, различала по запаху. Девятнадцать человек, включая Сашку, были зачислены в группу «А» на первом курсе...

И после Сашкиной фамилии в списке значилась еще одна. Сашка резко обернулась, будто ожидая, что преподаватель скажет все так же размеренно – «Топорко Евгения». Но бывший физрук листал бумаги на столе, явно не собираясь продолжать переключку. Потому что переключка закончена.

«Как обычно – кто-то сдал, кто-то нет...»

Сашка опустилась – упала – на место под самым окном, у свободного стола. Ее однокурсники смотрели на нее, повернувшись на стульях, не в силах отвести взгляд. Преподаватель выдержал паузу, записывая что-то в журнале, и только потом одернул их, вполголоса, веско:

– Группа «А»! Я вам не мешаю?

Они нехотя, через силу повернулись к доске и уселись, как подобает прилежным студентам – лицом к преподавателю, затылками к Сашке. Только Костя продолжал смотреть; у него были странно-отрешенные глаза, будто он никак не мог узнать свою прежнюю однокурсницу.

Жени здесь нет, потому что она не сдала экзамен. Первокурсница с косичками, так легко отбившая у Сашки Костю, просто переспав с ним в ночь под Новый год. Сварливая, ревнивая Костина жена. Бывшая жена. Теперь ничто не имеет значения. Они перестали быть людьми, какая разница, кто с кем трахался...

– Коженников, – кротко сказал бывший физрук. – Вам нужно особое приглашение?

Костя оторвал взгляд от Сашки, понурил голову, всем видом показывая, что нет, приглашение не требуется. Это был такой человеческий, такой привычный Костин жест, что у Сашки заныло сердце.

Все в этой комнате – кроме нее, может быть, – функции, части Речи. Почему же от Костиного взгляда у нее бегают

мурашки по спине?!

– Итак, четверокурсники, в этом семестре нас ждет гораздо больше практики, чем теоретических занятий, – бывший физрук говорил бесстрастно, но не как машина, а как опытный, давно растерявший эмоции преподаватель. Олег Борисович Портнов, прежде сидевший за этим столом, умел бесить студентов самыми обыденными фразами и запугивать одним взглядом поверх тонких очков. Бывший физрук, похоже, не сомневался, что не потеряет внимание аудитории ни при каких обстоятельствах – даже если уснет за столом.

– В основном мы будем работать с моделями в рамках специализации каждого из вас, – он по-прежнему перебирал документы на столе. – Сегодня вводное занятие для всего курса, внимание на доску...

Он поднялся из-за стола – высокий, мускулистый, будто отлитый из каучука. Сашка привыкла видеть Дим Димыча в спортивном костюме, теперь на нем были серые брюки скучного покроя и светлый пиджак, чудом сходявшийся на атлетических плечах.

Вместо прежней доски с тряпкой и мелом в аудитории висела теперь другая, белая доска с набором маркеров в магнитном стакане-держателе. Сашка вспомнила, как в самом начале занятий, на первом курсе, Портнов заставил Костю провести горизонтальную черту на доске – и с этого все началось...

Она мигнула. Бывший физрук, не снисходя до объясне-

ний, чертил на доске знаки и символы. В первую секунду Сашка обрадовалась, узнавая многомерную структуру – нечто подобное когда-то показывал ей Портнов. Но маркер чертил дальше, и линии переплетались, усложнялись, наливаясь непостижимым смыслом.

Сашка почувствовала, как медленно гаснет свет вокруг, и освещенной остается только доска и только система, нанесенная на плоскость – и вломившаяся в третье измерение. А потом и в четвертое. В пятое; Сашку явственно затошнило.

– От простого к сложному, – негромко говорил физрук. – Считывание, анализ и синтез. Грамматический разбор – на троечку. Верификация – на четверку, визуализация – на пять. Смотрите внимательно, повторять не буду.

Сашка глубоко дышала ртом. Она не могла ухватить ни единого смыслового слоя – не успевала, а схема, нанесенная синим маркером на белое покрытие доски, развивалась, длилась, располагалась во времени и пространстве. Переплетение символов создавало дыру в реальности, открывало проем в мир хаоса, из проема – пролома – тянуло запредельным холодом. Сашке захотелось отстраниться, в этот момент схема, как живое существо, почуяла ее присутствие.

Схема ломанулась Сашке в голову, как железный спрут, запустила щупальца в глаза и уши, это было такое явственное, столь физиологичное ощущение, что Сашка чуть не вскрикнула. Ей показалось, что враждебная тварь проникла в мозг и дергает, пожирает, разрушает. Почти теряя созна-

ние, Сашка успела закрыть глаза ладонями...

Пот катился по лбу, тонкий свитер прилип к спине. В аудитории было тихо, будто в вакууме, никто, кажется, не дышал. Сашка осознала, что сидит в куртке, что ей жарко, что под влажным свитером чешется кожа. Что резинка стягивает волосы, что во рту пересохло и мучит жажда, и все сильнее хочется в туалет. Тело, в котором Сашка заперлась, будто в крепости, предъявляло на нее права – но, как ни странно, сейчас это оказалось единственной защитой от того, что было написано на доске.

Она сидела, съежившись, прижав руки к лицу, пока не прозвенел звонок.

* * *

Когда, вымыв руки, покачиваясь, как в тумане, она вышла из туалета в коридор – снаружи ее ожидали. Ей показалось это верхом унижения – вот так толпой стоять у двери женского сортира? Все семнадцать человек? И Костя?

– Привет, – сказала она сквозь зубы.

И снова увидела себя их глазами: привидение из прошлого. Нарушение правил и традиций, пусть жестоких, но всеобщих, обязательных. Чудо, пусть радостное, но зато несправедливое. Ей показалось или нет – они то и дело заглядывают ей за плечо, будто ожидая, что оттуда появится Женя Топорко?!

– Если хотите знать, – сказала Сашка с вызовом, – я с удовольствием поменялась бы с Женей местами!

Костя с силой провел рукой по лбу, будто желая стереть неприятную мысль или воспоминание. Лиза криво ухмыльнулась: не оправдывайся, говорила ее ухмылка. Мы-то знаем, что ты особенная, отличница и любимица. Теперь не жди от нас пощады.

– Физрук велел тебе вернуться в аудиторию, – тихо сказал Андрей Коротков. – Лучше не задерживайся.

Пару секунд Сашка выбирала из двух зол – дальше объясняться с ними или идти туда, где на доске нарисована символическая конструкция, готовая расчленить ее заживо. Потом зажмурилась и, не открывая глаз, слегка натыкаясь на стены, побрела в аудиторию номер один.

Стоя в открытой двери, все еще слепая, она поняла, что схемы на доске больше нет. Поглядела одним глазом, осторожно, и убедилась, что права: доска была чиста, как двор после снежной ночи. Сашкин рюкзак сиротливо валялся на полу под окном, Физрук – кличка, похоже, так к нему и приклеилась – сидел на преподавательском месте:

– Что за манера убегать, пока вас не отпустили с занятия?
– Мочевой пузырь, – проговорила Сашка сквозь зубы.
– Сочувствую, – он поманил ее рукой, указал на стул в первом ряду. – Сюда.

Сашка, как обороняющаяся армия, отступила к окну, к своему рюкзаку. Он покачал головой:

– Нет, не туда. В первый ряд... вот так.

Он потянулся, будто ему было тесно в его нынешней оболочке. Сашка боком втиснулась за стол: она тоже его отлично помнила. Дим Димыч был одной из немногих радостей на первом курсе, особенно для девочек: все верили, что он добрый, веселый, чуть глуповатый, но очень понятный. Обычный, заурядный даже, но надежный. Поток тепла и сочувствия в жутком мире Института. Теперь у Сашки было такое чувство, что в конфетном фантике ей преподнесли не камень даже – яд.

– Я помню вас почти ребенком, первокурсницей, – заговорил он неторопливо, будто разглядывая ее мысли на просвет. – Не то чтобы я был сентиментален... Нет. Я, как вы понимаете, вне человеческой эмоциональной сферы. Но отлично знаю, что такое эмпатия, без этого с младшекурсниками сложно работать. Вы понимаете, да?

Сашка кивнула, глядя вниз.

– Если я скажу, что я вам симпатизирую, – он подбирался к сути, – что мне вас жаль – это не будет имитацией. Точнее, не только имитацией... Так вот: я был против того, чтобы возвращать вас в Институт.

От неожиданности она посмотрела ему прямо в зрачки – и тут же снова отвела взгляд, содрогнувшись.

– Дело не в том, как я к вам отношусь, – заговорил он после паузы. – Дело в вас. Обучать вас по программе четвертого курса – все равно что бегать с факелом в пороховом хра-

нилище, простите мне избитую метафору...

– Почему? – быстро спросила Сашка. – Почему?!

– Вас не научили слушать, не перебивая? – он на секунду сделался похожим на Портнова. Сашка прикусила язык.

– Я понимаю мотивы вашего куратора, – размеренно продолжал Физрук. – Но категорически с ним не согласен. Я не могу отказаться вас учить, все-таки я на работе. Но не ждите, что я буду возиться с вами и нянчиться, как это прежде делали ваши педагоги. А вы тем временем много пропустили. У вас истончена информационная составляющая и гипертрофирована физиологическая. Вплоть до того, что вы не владеете собственным мочевым пузырем...

Сашка представила, что ее рот заклеен липкой лентой. Очень трудно было сейчас сдержаться.

– Я это говорю не для того, чтобы вас унижить, – он читал ее, как вывеску. – Я вам не враг и не желаю вам зла. Но программа четвертого курса очень сложна. Зачем далеко ходить – вы сами сегодня в этом убедились.

Он выдержал паузу, будто намеренно испытывая ее терпение. Остался, по-видимому, доволен. Заговорил очень медленно, будто подчеркивая каждое слово:

– По моим расчетам, без дополнительных занятий вы не до-существуете до диплома.

Невидимая липкая лента, залепившая Сашкин рот, лопнула и даже, кажется, затрещала:

– Скажите это моему куратору!

– Я говорил, – он не удивился, будто только и ждал этих слов. – Весь педагогический коллектив не сумел убедить Фарита Коженникова, что вас нужно оставить в покое и не тыкать зажигалкой в ядерную бомбу... Но кто знает, может быть, у вас получится? Попробуйте найти к нему подход.

– К Фариту?! – Сашка поперхнулась.

– Это, конечно, фантастически звучит, – Физрук чуть заметно поморщился, – но попробовать надо. Объясните ему, что вы не справитесь с программой. Что он требует от вас невозможного.

– А вы? – тихо спросила Сашка. – Вы-то сейчас – возможного требуете?!

Последовала новая пауза. Если Физрук о чем-то и раздумывал, то на его неподвижном лице эти мысли не отражались. Только зрачки расплылись широкими черными дырами – и снова свернулись в две точки.

– Ладно, – сказал отстраненным, очень деловым тоном. – Мой предмет называется «аналитическая специальность», а меня зовут Дмитрий Дмитриевич, если вы забыли. На протяжении семестра я обычно не пишу докладных, но в конце семестра будет дифференцированный зачет. Все, что вы сумеете выучить, – то ваше. Что пропустите, проболаете – ну, что же, я предупредил.

Сашка горько улыбнулась:

– Спасибо. Очень доходчиво.

– Николай Валерьевич Стерх, – он пропустил ее сарказм

мимо ушей, – займется с вами работой над ошибками. Первое индивидуальное занятие с ним сегодня, в шесть вечера, в четырнадцатой аудитории, как обычно. С собой возьмите блокнот и ручку.

– А Олег Борисович... – Сашка с неожиданной теплотой вспомнила сейчас Портнова, – больше не будет с нами работать?

– Олег Борисович преподает специальность начинающим, – все так же отстраненно проговорил Физрук. – У него теперь новые первокурсники. Кстати, хорошо, что вы напомнили...

Он встал, открыл знакомый шкаф, снял с полки стопку книг, потертых, с надорванными и подклеенными корешками:

– Повторенье – мать ученья, хотя в вашем случае я бы не обольщался.

– Что я сделала не так? – прошептала Сашка. – На экзамене?

– Все вы сделали как надо, – Физрук положил книги перед ней на столешницу. – Вы не та, за кого мы вас принимали, вот в чем ошибка.

– Почему за вашу ошибку наказывают меня?!

– Да кто же вас наказывает...

Голос Физрука прозвучал очень по-человечески. Его лицо на долю секунды стало живым, даже страдающим, даже симпатичным – и снова превратилось в неподвижную маску

с черными глазами-дырами. Сашка съежилась.

– Никто вас не наказывает, – с горечью и досадой продолжал Физрук. – Вы очень опасны. Вы оружие... либо орудие жуткой мощи. Вы убийца реальности, Саша, и разрушитель грамматики, и я сделаю все возможное, чтобы вы никогда больше не прозвучали. А так... – он на секунду запнулся, – вы прекрасная девушка, и я вам не враг. Впрочем, я это уже говорил.

* * *

Когда она вышла из первой аудитории, до конца обеденной перемены оставалось еще несколько минут, холл пустовал, зато внизу, в столовой, слышались голоса. Не хочу оправдываться, ожесточенно подумала Сашка. Не хочу ни с кем объясняться, что я вам, козел отпущения?!

Табло с расписанием выглядело совершенно по-другому, чем два часа назад: квадраты и прямоугольники групповых занятий исчезли, остались только узкие ленточки индивидуальных. Сашка отыскала свою фамилию в списке и увидела единственное занятие сегодня, в шесть вечера – индивидуальное занятие со Стерхом. Он мне все объяснит, подумала Сашка с надеждой, такой же яростной, как недавнее раздражение. Он разъяснит мне про «убийцу реальности». Хотелось бы верить, что Физрук пошутил, но в этом Институте не так много шутников...

– Девушка!

Сашка резко обернулась. Полная женщина в белой блузке стояла в дверях деканата, упершись в бедра пухлыми руками:

– Это вы – Самохина?

– Да, – пробормотала Сашка. Она смутно помнила эту женщину... Или другую такую же? С сотрудницами деканата Сашка никогда не вела ни дружбы, ни вражды, ей не приходилось, как некоторым студентам, носить в деканат справки о составе семьи и упрашивать о начислении стипендии – с тройками...

– Зайдите, – сказала женщина повелительно. – Я должна за вами бегать, что ли? В общежитие за вас кто поселится, а?

* * *

На месте старого общежития, двухэтажного деревянного барака, стояло теперь новое здание, кирпичное, с тремя этажами. Вдоль второго и третьего этажей тянулись железные балконы, кое-где увитые чахлым виноградом.

Сашка вспомнила: на втором курсе, после зимних каникул, Фарит Коженников привел ее на съемную квартиру – в мансарду, которую Институт выделил ей как отличнице. Это были странные и счастливые дни, когда Сашка впервые поняла, что учеба ей в радость, что мир, который готов ей открыться, прекрасен и гармоничен. Она, по словам Коженни-

кова, «распробовала этот мед»...

Сашка потянула на себя тяжелую железную дверь с магнитным замком – не работающим. В холле не было дежурного, и не было привычной стойки с ключами. Все новое: мягкий диван и кресла, на стене плазменная панель, фикусы в огромных круглых кадках. Необычную тишину подчеркивала трансляция новостей на экране, без звука: толпились люди в странных одеждах, разевали рты в неслышном крике. Опрокидывались машины, дергалась камера в руках снимающего; Сашка почувствовала исходящее от экрана напряжение, ей захотелось погасить экран или хотя бы переключить канал. Но никакого пульта поблизости не было, шнур втыкался в розетку высоко позади экрана, и Сашка с опозданием вспомнила, что можно ведь просто не смотреть. Никто не заставляет.

Она прикрыла ладонью лицо, отгораживая себя от экрана. Увидела среди фикусов округлый, как шлем скафандра, полупрозрачный купол, поначалу не поняла, что это, и только через минуту опознала под куполом телефон-автомат. На металлическом боку имелась схема, объясняющая, как звонить по студенческой карте.

Карту Сашке выдали в деканате.

Длинные несколько минут она переводила взгляд со схемы на карточку и обратно, как мартышка, изучающая инструкцию к очкам. На самом деле ей надо было собраться с мыслями.

Наконец она погрузила карту в слот и набрала номер, вбитый в память будто молотком, этот номер она не забыла бы даже в коме. Гудок. Еще гудок.

– Да, Саша, – отозвался в трубке Фарит Коженников. – Рановато вы мне звоните. Еще и занятия толком не начались.

– Мне сказали, что я убийца реальности и разрушитель грамматики.

– Это Дмитрий Дмитриевич? Он преувеличивает, – беспечно отозвался собеседник. – Не принимайте близко к сердцу.

– Но я пытаюсь понять, – она старалась говорить как ни в чем не бывало, но голос все равно выдавал ее. – Он же ничего не объясняет, только запугивает...

– Как странно, – сказал Фарит с улыбкой в голосе, – раньше ваши педагоги ничего подобного себе не позволяли.

Сашка оценила его иронию. Сжала зубы:

– И еще он сказал, что у меня истощена... информационная составляющая, что я не справлюсь. Не до-существую до диплома.

– Тогда он противоречит сам себе, – Коженников отчего-то развеселился. – Либо вы убийца реальности, либо не справитесь. Непедагогично мне с вами обсуждать ваших наставников, но в данном случае он не прав... Вы настойчивы, талантливы, у вас отличная мотивация, а будет мало – я добавлю.

Сашка чуть не выронила трубку.

В новой общаге было уютнее и чище, чем в прежнем ба-
раке, но до странности тихо. Ни плеска воды, ни шагов, ни
единого голоса.

– Корабль-призрак, – Сашка говорила сама с собой. – А
где все?

Она прошла через коридор третьего этажа, показавший-
ся ужасно длинным, остановилась у двери и вставила в элек-
тронный замок свою студенческую карту. Замок зажужжал,
мигнул зеленым, и дверь открылась.

Сашка еще раз убедилась, что старшекурсники живут
комфортнее младших коллег: комната была похожа на одно-
местный гостиничный номер. На полке у входа обнаружи-
лись микроволновка и электрический чайник. Над письмен-
ным столом висела белая доска для заметок с парой ярких
магнитов и упаковкой маркеров на полке. Сашка задержала
взгляд; доска неприятно напомнила о потрясении, пережи-
том сегодня в аудитории номер один.

Повинуясь порыву, Сашка ухватила доску и рывком сняла
ее со стены. «У вас истончена информационная составляю-
щая...» «Вы много пропустили...» Судя по тому, что испы-
тала Сашка на занятии, прав Физрук, а не Фарит Коженни-
ков; Сашка огляделась. Обдирая костяшки пальцев, засуну-
ла доску за шкаф. Упали и раскатились маркеры, один, зеле-

ный, выкатился на середину комнаты. Сашка пинком ноги загнала его под кровать.

Раньше она и помыслить не смела, что Фарит может быть в конфликте с преподавателями. И что он, по-видимому, имеет над ними власть, а те не в силах прямо отказаться, могут саботировать его распоряжения. Сашка между молотом и наковальней: Фарит будет наказывать за провалы не преподавателей, конечно, а студентку...

Убрать доску было правильным решением, теперь комната выглядела куда лучше и даже просторнее. В мансарде с виноградом, конечно, было в сто раз круче, но, по крайней мере, делить комнату с однокурсницами ей больше не придется. Это было бы невыносимо, особенно теперь, когда в каждом взгляде читается: «Чем ты лучше Жени? Почему Женя сгинула, провалившись на экзамене, а ты вернулась как ни в чем не бывало, почему они тебя простили там, где никогда никого не прощали?!»

Сашка сунула в рот сбитую костяшку указательного пальца. Надо, в конце концов, придумать универсальный ответ, например, «Не ваше собачьедело». Или даже так: «Не ваша грамматическая забота».

Она открыла дверцу шкафа и уставилась в большое пыльное зеркало. Ее отражение походило на испуганную девушку, а вовсе не на информационный объект. Растрепанная, потрепанная, с искусанными губами. Ну красота теперь.

Сашка перевела взгляд на пустые вешалки и полки в шка-

фу. Из одежды у нее есть то, что надето прямо сейчас, – джинсы, свитер и легкая куртка, а также бюстгалтер, трусы и носки. И на коленях джинсов, между прочим, подсохшие пятна глины: оттуда, с обочины, где грузили в фургон искалеченное тело Александры Самохиной...

Она потрясла головой, вытряхивая ненужные мысли, и водрузила на стул свой тяжелый рюкзак. Принялась вынимать книги, одну за другой, и раскладывать на пустой столешнице: «Текстовый модуль», тома шесть, семь и восемь. Сашка теперь смотрела на них чуть ли не с ностальгией.

Сожалеет ли Портнов о ее судьбе? Чувствует ли себя виноватым? Интересный вопрос. Сожалеет ли словарь о давно устаревшем слове?

«Понятийный активатор», два тома. «Упражнения для третьего курса, издание дополненное и переработанное». Сашка пошарила рукой в рюкзаке, будто кошка лапой в аквариуме, но больше ничего не поймала; все, что ей выдали, она видела раньше, она с этим работала. Повторенье – мать ученья?

Или преподавательский саботаж?

Она взяла текстовый модуль, восьмой том, села за стол, как делала, наверное, миллионы раз, и развернула книгу: желтоватые страницы, запах старой библиотеки. А на страницах – абракадабра, сложный и бессмысленный текст, который Сашка давно научилась читать, полюбила читать, открыла ворота в счастливый мир, полный хрустальных смыс-

ЛОВ...

Глаза норовили соскользнуть, взгляд – расфокусироваться. Физическое тело Сашки, голодное и усталое, не желало принимать процедуру, как ребенок орет и брыкается при виде шприца. Абракадабра складывалась в визг и скрежет в голове, слезились глаза и прошибал пот – хуже, чем на первом курсе. С превеликим трудом Сашка дошла до конца абзаца и начала все сначала: она помнила, что с человеком делает этот текст, и она, в отличие от первокурсницы, страстно желала, чтобы он сделал это с ней – и вернул прежнюю легкость. Сашка – информационный объект, Слово великой Речи – тянулась к смыслам текстового модуля, как умирающий от жажды тянется к воде. Сашка-человек сопротивлялась, будто ее поили серной кислотой.

Наконец она очнулась на полу, под самым носом обнаружился сломанный карандаш, а дальше, у ножки стола, валялась раскрытая книга – смятыми страницами вниз.

Стараясь не глядеть на книгу, Сашка подняла и закрыла восьмой том, отложила на край стола. Взяла в руки модуль седьмой и отложила тоже. Открыла шестой – с первой страницы:

– Я не сдамся.

Все повторилось сначала – скрежет в ушах, озноб по коже, отвратительная абракадабра, заливающая глаза, будто горячей смолой. Сашка читала, роняя слезы на страницу, читала, читала...

«...Цены, цены, это просто ужас! В конце концов мама сняла комнатку в пятиэтажном доме, минутах в двадцати от моря, окнами на запад...»

Офисный стул на пяти колесиках зашатался под ней, и Сашка опрокинулась навзничь.

* * *

– Здравствуйте, Саша. Я рад вас видеть.

В четырнадцатой аудитории Стерха не изменилось ничего – разве что за окном была ранняя осень, а не январь, как в прошлый раз. Стерх не изменился тоже – длинные пепельные волосы все так же обрамляли бледное лицо, сложенные под пиджаком крылья топорщились небольшим горбом, а острый подбородок лежал на жестком воротнике, ослепительно-белом на фоне безукоризненно-черного костюма. Манера сидеть, сплетя длинные тонкие пальцы, осталась тоже при нем.

Изменился взгляд: раньше он мог быть доброжелательным или строгим, раздраженным или гневным, но никогда столь болезненно-сосредоточенным. Стерх смотрел на Сашку, как мог бы смотреть судья на призрак осужденного по ошибке.

– Здравствуйте, Николай Валерьевич, – сказала Сашка. – Простите, я читала текстовый модуль и... я опоздала.

– Я рад вас видеть, – повторил Стерх, и Сашка поняла, что

он не врет, просто его радость отягощена чувством вины, а может быть, и страха. – Посмотрите сюда, пожалуйста.

На запястье, на кожаном ремешке, он носил овальное перламутровое зеркало – как большой циферблат. Отраженный луч ударил Сашке в глаза и на секунду ослепил ее. Она помнила это ощущение, оно никогда не бывало особенно приятным, но слепота – и резь в глазах – закончилась почти моментально. Сашка мигнула; аудитория четырнадцать расплылась, будто залитый водой акварельный рисунок, и прояснилась снова.

– Я был уверен, что вы блестяще сдадите экзамен, – проговорил Стерх с ноткой удивления, будто сам пораженный своей способностью заблуждаться. – Я был уверен, что это, несомненно, пятерка. Вы столько раз меня удивляли... дали надежду, отбирали ее, потом удивляли снова... Я виноват перед вами, Саша, хотя изменить ничего не мог. Ничего не мог для вас сделать. Я полагал, что больше никогда вас не увижу.

– Но вы мне рады, – быстро сказала Сашка, будто подавая подсказку.

– Да, – удивление в его голосе сделалось отчетливее. – Я рад. Но... вы ведь не с каникул вернулись, Саша. Все очень сложно... садитесь.

Сашка опустила на самый кончик стула:

– Вы тоже не станете меня учить, потому что я убийца реальности?!

– Мы обязаны вас учить, – он плотнее сплел кончики пальцев. – Это наше предназначение. Я совру, если скажу, что ситуация меня не пугает – пугает, еще как... Но вы моя студентка. Вы опять моя студентка, а со студентами я всегда честен.

– Спасибо, – пробормотала Сашка. – Николай Валерьевич, что значит – «разрушитель грамматики»? Что именно вас пугает? Как я могу вас напугать?!

– Меня пугаете не вы, – после длинной паузы сказал Стерх. – Пугает та легкость, с какой в наше время аннулируются вековые традиции. Но как ваш педагог я, разумеется, желаю вам успеха. И сделаю все, что от меня зависит, чтобы вам помочь.

– Спасибо, – повторила Сашка искренне. – Но вы не ответили на мой вопрос. Почему я «убийца реальности»?

– Вы не убийца, – он покачал головой, будто сожалея о досадном недоразумении. – Прямо сейчас вы не убийца и не разрушитель, но ваш потенциал...

Он оборвал себя и посуровел:

– Предлагаю вернуться к этому разговору через некоторое время.

– Но, Николай Валерьевич...

– Не «но», – его голос сделался размеренным и твердым. – Рано, и мы не будем это обсуждать. Вы прекрасно знаете, что на некоторые вопросы здесь, в Институте, вы не получите ответа, пока не проделаете определенную работу, и никто за

вас ее не сделает...

Он вынул из ящика стола и положил перед Сашкой планшет с плоским экраном – размером с тетрадный лист, без логотипа производителя, с единственной кнопкой на боку:

– Это ваш новый рабочий инструмент. Внутри – индивидуальное расписание, соблюдать его надо очень точно, минута в минуту. Я буду присылать задания, а вы – отрабатывать и отчитываться на занятиях. Теперь открывайте тетрадь, бумажную, обычную, пишите сверху на первой странице: «Работа над ошибками».

– Чьими? – тихо спросила Сашка.

Они встретились глазами и молчали несколько минут. Потом Сашка опустила взгляд и начала писать – стержень поначалу царапал бумагу и не хотел работать.

– Каждый день вы должны делать записи в тетради, – негромко продолжал Стерх. – Работа над ошибками будет завершена, когда вы вспомните и подробно опишете переводной экзамен тринадцатого января, что произошло, к чему привело и чего вам ждать теперь. И тогда...

Он сделал паузу, остро посмотрел на Сашку и вдруг улыбнулся.

– И тогда мы летаем, Саша, – сказал другим голосом, чуть хриловато. – Мы еще летаем...

Сашка почувствовала такую благодарность, что едва не кинулась ему на шею.

Историческая Торпа, при всей ее странности, была уютным и живописным городом. Блестел булыжник под фонарями, улицы изгибались змеями, темнели ниши в кирпичных стенах. Опускалось солнце, в тенистых дворах зажигались уже окна, закрытые цветными шторами и оттого похожие на гирлянду праздничных огней.

Сашка бродила, вдыхая и выдыхая осень. Когда-то она летала над этими крышами, но с тех пор прошло почти пятнадцать лет; когда-то она гуляла здесь с Костей, но с тех пор, кажется, несколько жизней началось и закончилось. Сашка шагала то быстрее, то медленнее, пытаясь уложить в голове сегодняшний день, бесконечно длинный и бесконечно странный. Она не уезжала из Торпы – но она возвратилась в Торпу, ее мучил пробел в памяти длиной в полгода – хотя с тех пор прошло почти пятнадцать лет. Ей снова предстоит учеба «на пределе сил», но то хрустальное понимание, с которым она шла на экзамен, то чувство гармонии и сопричастности, которое заставило ее отклонить заманчивое предложение Фарита, – помутнели, разрушились, и Сашка обнаружила себя посреди неопределенности и страха. Ей придется «прыгать через голову» не ради высоких смыслов – а просто для того, чтобы не дать Фариту повода ее наказать.

...Но что, что все-таки случилось с ней на экзамене?!

Впереди у обочины взвизгнули тормоза. Сашка вздрогнула, инстинктивно ожидая наихудшего; оказалось, что никакой аварии нет, просто серебристая «Мазда», только что обогнавшая Сашку, резко остановилась у обочины. Распахнулась водительская дверца:

– Саша, это вы?!

Она почувствовала озноб по коже. Неизвестно отчего. Если и были в длинном дне хорошие минуты, то это, разумеется, поездка из аэропорта в город, да еще тот момент, когда он сказал «Удачи», а она помахала рукой; теперь он выбрался из машины на мостовую, в белом кителе с черными погонами, без фуражки, взъерошенный и очень веселый.

– А я смотрю – вы идете по улице. Торпа, конечно, очень странное место, здесь вечно творятся какие-то чудеса...

Сашка посмотрела с подозрением; нет, он ничего особенного не имел в виду. Просто был так рад ее видеть, что невольно прозревал вещи, скрытые от постороннего глаза.

– Торпа – странное место, – подтвердила Сашка, ей было приятно и лестно наблюдать его симпатию. – Но все-таки не город-миллионник. Здесь люди могут встретиться на улице – просто гуляя, просто случайно...

– Вы же не думаете, что я вас... выслеживал? – у него вытянулось лицо, он по-настоящему испугался.

Сашка засмеялась. Уже очень давно она не смеялась вот так, от неопознанной радости, и смех подействовал как лекарство. Гибель Александры Самохиной, угрозы Физрука,

предстоящее объяснение с однокурсниками перестали быть важными, отступили, съежились, освободили, и сделалось светло и легко.

* * *

Они не касались друг друга. Даже пальцем или рукавом. Даже на крутых улочках. Между ними всегда был воздух, расстояние в несколько ладоней, только тени переплетались на блестящем булыжнике. Только шлейфы запахов сливались в осеннем воздухе.

– Над этими крышами хорошо летать, – сказала Сашка, любуясь закатом с высокой террасы над городом.

– Да, на глиссаде, – отозвался он со знанием дела. – Когда низкое солнце и малая облачность. Очень красиво.

И Сашка опять засмеялась.

Уже стемнело, когда они приземлились за столик на открытой террасе кафе в самом центре. Под полосатым навесом горели свечи и цвели розы, как если бы дело происходило не в захолустной Торпе, а в Париже в его лучшие годы. У Сашки гудели ноги и шумело в ушах, будто после восхождения на высоченную гору.

Официантка появилась из-за стойки, расплылась в улыбке при виде Ярослава и тут же уставилась на Сашку, будто не понимая, как молодой красивый пилот может ужинать в компании бледной девушки в потертой куртке. Поджав губы,

выложила на стол меню в черной сатиновой обложке.

Ярослав, легко склонившись к Сашке, развернул меню, одно на двоих, и они замерли, почти касаясь головами, как дети над книгой волшебных сказок. Сашка не могла разоб-
брать ни строчки – она читала запах его одеколона, кожи и волос, а заодно читала ближайшее будущее: если она сейчас привалится к нему плечом, он обнимет ее, будто они сто лет знакомы. Если она его поцелует прямо здесь, за столиком, у всех на виду...

Сашка задрожала. Ничего подобного она раньше не испытывала: с Костей было по-другому. С Егором было совершенно иначе.

Задержав дыхание, она накрыла ладонью его руку с длин-
ными пальцами. Потянулась к нему, и он потянулся на-
встречу...

«Кого вы будете убивать, если я стану плохо учиться?» –
спросила она недавно у Фарита Коженникова, и тот ответил:
«А ты осмелела...»

– Что случилось? – выражение его глаз моментально из-
менилось.

Сашка убрала руку. Отодвинулась, глядя теперь уже с
ужасом.

– Саша?! – он ничего не понимал. И она не могла объяс-
нить ему.

– Ярослав, – Сашка встала, преодолевая спазм в горле. –
Прости меня, пожалуйста. Я не могу с тобой больше видеть-

ся. И мы не должны быть вместе. Прости.

Официантка наблюдала с насмешливым удовлетворением.

* * *

Наступала совсем осенняя ночь, прохладная и сырая. Липы на улице Сакко и Ванцетти за прошедшие годы стали больше, но и дряхлее, их листья рано начинали желтеть.

– Нет, Фарит, – на бегу Сашка глотала слезы. – Хорошая попытка... но нет. Мне плевать на его судьбу. Это чужой человек, еще утром я понятия о нем не имела...

Окна общежития освещались одно за другим – «корабль-призрак» оживал. Сашка вошла в холл, ошестинившись, заранее готовая дать отпор ненужным вопросам и даже косым взглядам, но в холле по-прежнему было пусто. В отдалении играла музыка – еле слышно.

Спотыкаясь на ступеньках, Сашка поднялась на третий этаж. Не сразу попала карточкой в прорезь электронного замка. Щелкнула выключателем. В электрическом свете комната показалась даже уютной, сюда можно пригласить другого человека, мужчину, и будет тепло и хорошо, как дома, спокойно, естественно...

– Нет! – она была готова биться головой о стену, лишь бы вышибить эти мысли. – Я буду учиться и так! У меня отличная мотивация, не надо ничего добавлять, Фарит! Никого!

Она задернула шторы и вытащила планшет из своего рюкзака; Сашка помнила еще времена, когда в Торпе не было мобильного покрытия, а сенсорный экран казался диковинкой и чудом. Стерх наспех обучил ее пользоваться девайсом, впрочем, ничего сложного в этом не было.

«Пн-Вт, 6–00 – интенсивная физическая нагрузка, зал. 8–00 – работа над ошибками, самоподготовка. Вт 14–00, Пт 18–00 – аналитическая специальность, инд. Ауд. 1. Пн-чт 18–00, ПТ 14–00, Сб 16–00 работа над ошибками, инд. Ауд 14».

Это, по крайней мере, понятно, подумала Сашка. Это похоже на мою жизнь... на то, что я привыкла считать жизнью. Ну что же, для душевного спокойствия мне нужно, чтобы не оставалось свободного времени. Ни секунды. Не думать о Ярославле. Не думать о белом медведе...

Она вспомнила тот вечер на набережной, когда ее мама впервые встретилась с Валентином. Только сейчас Сашка по-настоящему поняла, что тогда случилось с мамой: она увидела алые паруса на сером горизонте. Из морока повседневной, привычной суеты явился мужчина, к которому тянет будто магнитом, освещенный изнутри, родной и понимающий, и вообще непонятно, как люди могут быть настолько созданы друг для друга; Сашка скрипнула зубами, вспоминая, что было потом: сердечный приступ у Валентина, появление его жены, отрешенное лицо мамы с погасшими, безнадежными глазами.

И как он потом приехал. И как добивался. И просил прощения, и развелся с женой, и...

Стукнули в дверь снаружи. Сашка подпрыгнула на месте и задрожала: он не послушал, решил объясниться, отыскал Сашку, неужели сейчас она его увидит?!

Она прокралась к двери и осторожно, будто боясь обжечься, посмотрела в глазок; напротив стоял Денис Мясковский. Однокурсник. Сашка вытерла пот со лба: отхлынул страх. Навалилось разочарование.

– Что надо? – спросила она через дверь.

– Открой, – отозвался Денис. – Чего боишься?

Сашка щелкнула замком и распахнула дверь, но осталась стоять на пороге, загораживая вход.

– Деня, мне надо учиться. Говори, зачем пришел, и уходи.

– Как это ты, – сказал Денис немного растерянно, – с места в карьер... Я уже и забыл, какая ты бываешь злая... Где тебя носило целый семестр?

– Четырнадцать лет, – сказала Сашка сквозь зубы. – Четырнадцать с половиной лет меня где-то носило, но спасибо, что спрашиваешь.

Денис переступил с ноги на ногу, будто Сашка вогнала его в ступор. Помолчал, деликатно кашлянул:

– Наши собрали тебе немного денег. Типа, подъемные.

– Что?!

Он вытащил из кармана бумажный конверт:

– Давай только не через порог, примета плохая.

Сашка попятилась. Денис ступил в комнату, протянул конверт, Сашка смотрела непонимающе.

– Мы же не враги, – тихо сказал Денис.

* * *

На первом этаже нового общежития размещался, оказывается, тренажерный зал – с беговыми дорожками, мячами и штангами, с железными монстрами для всех групп мышц и зеркалами вдоль стен. Рядом, за низкой перегородкой, оборудовано было что-то вроде буфета: столы со стульями, барная стойка, кофемашина. Сашка остановилась на пороге, в последний момент не решившись сделать шаг, – ей снова показалось, что их взгляды растаскивают ее на части, размывают, будто столб дыма.

– Заходи, – Аня Бочкова помахала ей рукой как ни в чем не бывало.

Лиза Павленко, ни на что не отвлекаясь, продолжала равномерный бег по черной тренажерной дорожке. Остальные студенты группы «А» четвертого курса, полтора десятка человек, сидели у стойки, как в баре, и за столиками, как в кафе, но ни еды, ни выпивки перед ними не было – зато перед каждым лежал планшет либо смартфон с большим экраном.

Ни на кого отдельно не глядя, Сашка подошла к свободному столу, положила на столешницу конверт с деньгами:

– Ребята, спасибо, но мне не надо.

– Это в долг, – сказал Андрей Коротков. – Вернешь потом. Нам-то степуху платят каждый месяц, а тратить в общем-то не на что. А ты приехала в одних штанах...

– Купи себе трусов и лифонов, – сказала Лиза с беговой дорожки. Голос ее прозвучал ровно – дыхание совсем не сбилось. Сашка посмотрела на нее внимательнее – это была Лиза, несомненно, привычно, в своем репертуаре.

Она прошлась взглядом по лицам – нет, они изменились, конечно. Чуть больше, чем меняется человек в двадцать лет после семестра тяжелой учебы. Но они не казались... функциями. И на строгих судей, призывающих к ответу, они тоже не были похожи.

– Надо же, – сказала она, не успев прикусить язык. – Я думала, после экзамена вы станете...

И замолчала.

– Как роботы? – ухмыльнулась Юля Гольдман. – Как манекены?

Сашка опустилась на стул, галантно предложенный ей Денисом Мясковским. Еще раз огляделась. Костя сидел у барной стойки, вполоборота к Сашке, уткнувшись в свой планшет. Перед ним на столе помещался одинокий картонный стакан из-под кофе.

– Рассказывай, – сказал Денис.

Она сцепила пальцы, почти как Стерх в аудитории:

– Я ничего не помню. Вошли на экзамен. Я открыла задание. Что-то начала делать – простое... Потом – все. Меня

нет. Потом я снова есть, но через... почти пятнадцать лет после экзамена. Стою в квартире, где я выросла, перед дверью комнаты, а внутри... тоже я. Я чуть не писаюсь от страха. Она, по ходу, пугается еще больше. А я решаюсь ее присвоить – дурацкая идея, но... Я просто не смогла удержаться.

– Да, – пробормотал Денис. – Кто удержался бы.

– И как она? – жадно спросила Юля Гольдман. Сашка встретилась с ней глазами:

– В смысле?

– Та, другая ты, – Юля прерывисто вздохнула. – Я вот подумала... А как бы выглядела другая я. Без Института.

Юлины глаза на секунду затуманились, будто накрытые пленкой.

– У нее была нормальная жизнь, – тихо сказала Сашка, – такая... не то чтобы фонтан, а... жизнь, короче.

И она запнулась, не зная, что еще сказать и как не оскорбить ненароком погибшую Александру – чужую в общем-то женщину, к которой Сашка до сих пор испытывала больше страха, чем сочувствия.

Лиза добавила темп, беговая дорожка от натуги начала слегка повизгивать, кроссовки Лизы застучали, как сильный дождь по крыше.

– И что потом? – Денис прервал затянувшееся молчание.

– Потом... время выдает петлю, та женщина... Александра... она умирает...

Сашка опять запнулась, с досадой чувствуя, что говорит

не то и не о том. Важнейший вопрос ждет ответа, а она развлекает их своими путаными воспоминаниями.

– Вы мне вот что скажите, – она заговорила напористо, будто переходя в наступление. – Что было на экзамене? Вы помните?

Они переглянулись.

– Задания, – коротко сказал Андрей.

– Просто задания, – подтвердила Юля. – Из тех, что мы делали раньше...

Показалось Сашке – или Юля отвела взгляд, будто желая спрятать недоговоренное?

– Но вы помните или нет?!

Они снова переглянулись. Денис нехотя кивнул и пожал плечами – дескать, помним, но вспоминать неохота.

– Мы просто вышли из зала, – примирительно сказала Аня Бочкова. – Со свидетельствами в руках... о сдаче экзамена, и с оценками. У всех четверки, у Коженникова и Павленко – пять, у Дениса тройбан...

Денис поморщился. Костя не отрывал глаз от экрана своего планшета – как будто Сашки здесь не было.

– ...мы ничего не чувствовали, ни счастья, ничего, – продолжала Аня, будто отчитываясь. – Никто не видел, как другие сдавали, каждый думал только о себе. Вроде прошло часа полтора... мы выходим, а в холле только Стерх и Физрук, поздравляют, говорят, что теперь мы на другой базе, а холл тот же, лошадь эта со всадником... Но тебя и Женьки нету. А

на доске объявлений висит ведомость с оценками, и у Женьки там выписана двойка, а у тебя вообще прочерк...

– Прочерк?!

– Стерх сказал, это считается, будто не сдала, – глухо проговорил Денис.

Сашка проглотила горькую слюну.

– Не думай, мы вовсе не плакали, – Лиза улыбалась как ни в чем не бывало. – После экзамена было чем заняться, зимние каникулы, танцы, пляски, лыжные курорты...

– А что сказал тебе Физрук? – снова заговорил Андрей. – Почему тебе поставили прочерк, а потом вернули на курс?

Сашка прикусила язык. Сообщить им про «убийцу реальности»? Это ничего не объяснит, наоборот, запутает, заморочит, увеличит напряжение... Или она все-таки может им доверять?

Она развела руками, честно пытаясь сформулировать не обидный и не очень туманный ответ, и вдруг замерла с открытым ртом. Поперхнулась:

– Слушайте, а если наш экзамен был много лет назад, то и второкурсники тоже... Они уже сдали? Тот курс, где Егор?

Показалось ли ей, что Костя вздрогнул?

– Если экзамен был в прошлом, – Сашка волновалась все больше, – от него остались, наверное, ведомости, документы... и мы точно можем узнать, кто из них сдал, а кто...

– Нет, – Андрей почесал кончик носа. – Им еще семестр кочевряжиться. Время не линейно, если ты не знала... День-

ги-то забери, или мы их выкинем.

Сашка, сжав зубы, взяла конверт со стола, сунула во внутренний карман куртки. Почувствовала себя побирушкой.

Лиза наконец-то отключила тренажер, замедлила шаг, соскочила с ленты, не заботясь о том, чтобы выровнять дыхание. Ни капли пота не блестело на ее лбу, ни пятнышка влаги не проступило на тонкой спортивной куртке с длинными рукавами. То ли она в самом деле была живым манекеном, то ли «интенсивная физическая нагрузка», прописанная в расписании, сделала из Лизы олимпийскую чемпионку.

Она остановилась перед Сашкой, расточая запах спортивного дезодоранта:

– Покажи руку.

Сашка растерянно посмотрела на свои ладони. Лиза, выждав паузу, поддержала правый рукав: над сгибом локтя у нее темнела татуировка, округлый знак с реверса золотых монет Фарита Коженникова.

Сашка неуверенно огляделась – все смотрели не на Лизу, а на нее. Сашка, сглотнув, потянула рукав трикотажного свитера: ничего, естественно. Чистая кожа.

– Интересное кино, – сказала Лиза, сдвинув тонкие светлые брови. – Тебя не проштамповали, но ты на четвертом курсе. Самохина, как обычно, вечное исключение из правил.

– Я не набивалась, – Сашка рывком вернула рукав на место.

Лиза прищурилась:

– Коженников за тебя вписался, да?

На этот раз Костя дернулся так, что пустой стакан из-под кофе упал и покатился по полу. Сашка, оказывается, напрасно расслабилась: ее однокурсники играли в добрых и злых следователей, и роль злого, естественно, досталась Лизе.

– Фарит Георгиевич Коженников, – медленно сказала Сашка, глядя Лизе прямо в зрачки, – ясно дал понять, что за свою... услугу очень дорого с меня спросит. Вы все знаете, что это значит. От тебя он тоже не требовал невозможного, Лиза?

Блондинка изменилась в лице. Подняла средний палец характерным оскорбительным жестом, и Сашка вдруг увидела ее руку у самого лица – хотя Лиза стояла в пяти шагах от нее и не сдвинулась с места. Средний палец на немислимо длинной руке Лизы превратился в костяной крюк, поддел ткань свитера на Сашкиной груди и рассек одежду, мимоходом коснувшись кожи. Сашка отпрыгнула; Лиза ухмыльнулась и вышла, не оборачиваясь.

Уютно булькала кофемашина. Где-то на улице Сакко и Ванцетти, далеко и глухо, просигналил автомобиль. В остальном было так тихо, словно Сашка явилась в морг, а не в студенческую общагу.

– Зря ты так, – рассудительно сказала Юля Гольдман. – Ты же знаешь, если Лизке напомнить, что с ней делал тогда Фарит, – она бесится...

– Я – зря? Это я?! – Сашка зажала ладонями порез на сви-

тере, не то стесняясь, не то ожидая, что из прорехи вывалится сердце.

– Мы все сейчас ужасно нестабильны, – мягко проговорил Денис, оценивая Сашкину реакцию. – Стабилизация закончится перед летней сессией. Поэтому надо как-то щадить друг друга...

– А она меня щадит? – Сашка тяжело дышала. – Как она никого не убила до сих пор, с такими кунштюками?!

– За агрессию нам дают штрафные, – Андрей Коротков вздохнул. – Не жалуйся никому, пожалуйста. Не будешь?

Сашка хотела ответить что-то хлесткое, но в этот момент Костя поднялся, по-прежнему не глядя на нее:

– У меня есть нитки и иголка. Надо зашить, пока дальше не расплзлось. Идем.

* * *

В его комнате было непривычно чисто. Разительная перемена – в прежней общаге у парней только что не носки в кастрюлях плавали. Костя сидел на краю аккуратно застеленной кровати, Сашка – на офисном стуле у стола. Над столом висела доска, чисто вытертая, на полке рядом лежали цветные маркеры, и Сашка отводила от них взгляд, как от инструментов из прозекторской.

Костя работал иголкой. На его руке была отлично видна татуировка выше локтя, не темно-серая, как у Лизы, а кир-

пично-красная. Округлый знак, символизирующий Слово.

– Это больно? – зачем-то спросила Сашка, поправляя махровое полотенце на плечах – Костино полотенце.

– Вообще нечувствительно. Мы после экзамена не сразу сообразили, что нам сделали тюнинг, – он улыбнулся. – Я сперва подумал, может, она временная... знаешь, хной... или чернилами нарисовали...

Он шил тщательно и прочно, будто заделывал рваный парус. В том, что свитер будет выглядеть именно штопанным на самом видном месте, Сашка не сомневалась.

– Мне показалось, ты за что-то на меня обижаешься, – сказала Сашка. – И не хочешь видеть.

Костя вздохнул:

– Помнишь Портнова? «Когда найдете слово, достойное того, чтобы быть сказанным...» Это слово – Женька. Одно слово. Понимаешь?

– Кажется, да, – сказала Сашка глухо.

– Нам никто не объяснил, почему она провалилась и что сделала не так, – он размашисто укладывал стежок за стежком. – Но я-то знаю. Перед экзаменом она подошла ко мне и сказала, что я использовал ее... как презерватив. Сначала переспал с ней, потому что мне нужна была баба, а ты слишком высоко себя ценила для быстрого секса под тумбочкой. Потом я женился на ней, чтобы ты ревновала. Я заставил Женьку поверить, что у нас с ней семья. Потом ушел и стал спать с тобой, когда ты милостиво разрешила. Пред-

ставляешь, экзамен вот-вот, а она мне все это выкладывает... Тут нас позвали в зал, и она потащила все с собой – все свои страсти. А я просто охренел и в этом охренении сдал экзамен на «пять», сам не понял как. А когда после экзамена вышел в холл и на доске с ведомостями увидел, что вы провалились – ты и она...

Он замолчал и опустил голову.

– Костя, – шепотом сказала Сашка. – Ты не виноват ни перед Женькой, ни передо мной.

Он не ответил. Сашка, не в силах усидеть, встала и прошлась по комнате, придерживая на плечах полотенце:

– Объясни мне! Если ты не человек... нас ведь предупреждали, что после экзамена мы закончимся как люди и начнемся как понятия... как ты можешь все это чувствовать?

– Потому что это не противоречит друг другу! – он укололся иголкой, поморщился, слизнул каплю крови. – Все имеет грамматический смысл. Предательство, манипуляция... зависть, ревность... Женька провалилась, потому что я поступил с ней, как... ну, как поступил. И с тобой – тоже. Когда я это осознал... Почти не смог учиться, третий курс окончил со всеми тройками. Физрук отправил меня на пересдачу...

– Что?!

– Да, – Костя коротко вздохнул. – А я как раз зимой, в феврале еще, подобрал на улице щенка... Больше никогда не буду так делать.

– Костя, – пробормотала Сашка, чувствуя, как трескаются губы, будто пустыня.

– Да, – он кивнул. – Мы все думали, что, перейдя в грамматическую форму на экзамене, станем свободными. От страха. От... всего этого. Великая Речь прекрасна и гармонична... Это правда. Но не вся правда. Они скрыли от нас кое-что: мы прогрессируем, как понятия, только пока в нас остается что-то человеческое. Само по себе Слово, готовое, созревшее – не растет, оно может только служить, быть орудием Речи. Поэтому на младших курсах они ломали в нас людей и вытаскивали понятия, а на старших – поддерживают... консервируют в нас людей или хотя бы человеческие реакции. До диплома, до финального экзамена. Понимаешь?

– Что случилось со щенком? – шепотом спросила Сашка.

– Он умер, – нарочито резко отозвался Костя. – Как моя бабушка. Как все умирают, если ты еще не заметила. Люди вокруг болеют, попадают под машины, разбиваются...

Сашка зазнобило:

– Ты говоришь как он.

– Я и буду как он, – сухо отозвался Костя. – После окончания Института. Потом. Когда-нибудь...

Он закрепил нитку и перекусил ее зубами. Протянул свитер Сашке:

– Вот... зашил, как сумел.

– Спасибо, – Сашка через силу улыбнулась. – Слушай, а твоя мама... Она... есть?

Он кивнул:

– Есть. Но она другой человек.

– Как это?!

– Время дискретно, – сказал он терпеливо. – Это не линия, как мы раньше думали, из прошлого в будущее. Это можно представить, как... систему пузырей, которые мало связаны или не связаны вообще. Через четырнадцать лет моя мама – другой человек, не та, кого я помню. И у нее по-прежнему есть сын – ну, формально. Мы даже созваниваемся по праздникам. Формальный сын, иллюзия сына. Думаешь, мало кто так живет?

Я подумаю об этом позже, сказала себе Сашка.

– Слушай, Костя, – она заставила себя переменить тему. – А Дмитрий Дмитриевич, он же Физрук, прямо зверь какой-то, да?

– Он, – Костя поморщился, – он дуалист... доппельгангер. Вроде как магнит с двумя полюсами или поплавок... У него две сути: одна – лапушка, миляга, добрый друг, Дим Димыч. Преподает на первых курсах физкультуру, на самом деле корректирует физиологические изменения студентов накануне метаморфозы. Другая... понимаешь, если бы он свои ипостаси не смешивал еще. А то он иногда меняет полярность сто раз в секунду, ему просто плевать, что у нас остались человеческие эмоции. Сейчас привыкли уже, а поначалу очень шугались. У него один полюс настолько человеческий, что другой – ну охреневшая Вселенная без намека на

этику или сочувствие.

Сашка вспомнила, как танцевала когда-то с Дим Димычем спортивный рок-н-ролл. И как рассказывала о нем маме – такой замечательный физрук...

– ...и он валит на зачетах, – шепотом закончил Костя, – как бешеная сноповязалка. Так что ты с ним не шути...

Сашка почувствовала, как поднимаются дыбом волосы на голове. Зачет в конце декабря. Она должна забыть Ярослава немедленно, выжечь из памяти любимым способом.

– Костя, – сказала Сашка и бросила свитер на кровать. – Давай-ка проверим, что мы за информационные объекты.

Она уронила полотенце, оставшись выше пояса в одном только лифчике. Подошла к нему вплотную, а когда Костя встал, положила ладонь ему на затылок, заставила посмотреть в глаза – и обняла. Он сперва оцепенел, потом обнял в ответ, но очень неловко, будто дерево с сухими ветками. Сашка изо всей силы попыталась вспомнить, как они с Костей целовались в подъездах на первом курсе, это было запретно и здорово, сладко и весело. Поняла, что, обнимая его сейчас, не чувствует ничего. Что одна мысль о том, чтобы дотронуться мизинцем до руки Ярослава, бросает ее в жар, а Костю можно сколько угодно мять и тискать, он так же приятелен для нее, как диванная подушка. И вспоминается Женя, Новый год, Костина измена и все, что было потом, а ведь Сашка, казалось бы, давно простила...

Нет, он вовсе не был холодным. Он не был зимним дере-

вом с сухими ветвями. Сашка почувствовала, как разгоняется его сердце и учащается дыхание, как он мягко привлекает ее к себе...

В следующую секунду Костя отстранился. Отступил, поднял руку, будто выставляя между ними невидимую стену:

– Сашка... Прости. Не могу. Это из-за Женьки.

* * *

Там, на набережной, много лет назад, мама улыбалась новому знакомому, и на щеках у нее появлялись ямочки. Особенная улыбка, Сашке она улыбалась по-другому...

Валентин стал для мамы тем, кем за несколько часов сделался для Сашки Ярослав. Фарит Коженников нашел его, единственного из миллионов, и подогнал в нужное место, в нужном настроении. И сошлись пазлы. И Сашкина мама сделалась счастлива и отпустила дочь учиться в Торпу.

А теперь любимого мужчины нет в маминой жизни и никогда не было. Вряд ли мама осознает свою потерю, а может, смутно осознает, но ничего не может изменить. Ее жизнь отдана была дочери, теперь будет посвящена внучке, а впереди ждет неизбежное одиночество...

И меня тоже, сказала себе Сашка и стиснула зубы. Меня ждет одиночество, и отлично.

На улице Сакко и Ванцетти, в бывшем полуподвальном кафе напротив института, располагалась теперь пиццерия.

Сашка купила последний огрызок пиццы за две минуты до закрытия.

Вернувшись в комнату, она впервые отперла дверь на балкон – длинный, идущий вдоль этажа. Железные поручни кое-где уже подернулись ржавчиной, и сам балкон был лишь чуть-чуть комфортнее средневекового пояса верности, но было приятно стоять вот так, на свежем воздухе, подставив лицо ветру. Знакомые деревья во дворе подросли, а некоторые успели высохнуть и лишиться половины ветвей.

«Вы должны восстановить информационную составляющую и вспомнить экзамен, – втолковывал ей Стерх. – Обязательно делайте записи в тетради каждый день, без перерывов».

Сашка разогрела свою пиццу, к тому времени напоминавшую подметку от сапога, слегка запачканную сыром с приставшей веточкой укропа. Голод тем не менее не тетка, и Сашка сжевала свой ужин до половины, прежде чем замереть с открытым ртом от самой обыкновенной мысли: а где, собственно, теперь Валентин? Жив ли он? Как сложилась его судьба – может, он даже счастлив?!

Сашка поперхнулась пиццей. На прежнюю квартиру Валентина – туда, где осталась его семья, – она никогда не звонила, но телефонный номер отчего-то помнила. Одно время этот номер висел на холодильнике под магнитом с изображением маленького замка – Ласточкиного Гнезда...

Она спустилась в холл вприпрыжку – сама не веря, что

решится и позвонит.

– Алло, – сказал на том конце связи молодой мужчина.

– Здравствуйте, – сказала Сашка. – Могу я говорить с Валентином?

– С кем? – удивился собеседник.

– С вашим отцом, – Сашка даже не запнулась ни на секунду.

– Но, – ее собеседник растерялся. – Он здесь давно не живет...

– Вас не затруднит, – сказала Сашка, – продиктовать мне его актуальный номер?

– А вы кто?

«Я убийца реальности, – мрачно подумала Сашка, – и разрушитель грамматических конструкций».

– Я из Собеса, – сказала вслух. – У нас в документах указан его телефон.

– Но он не живет здесь уже шестнадцать лет!

«Почему?!»

– Бюрократия, – Сашка заставила себя говорить спокойно. – Номер устарел. Помогите мне, пожалуйста.

Записывать телефон она не стала – запомнила. Поблагодарила безымянного собеседника. Вытерла пот со лба.

Валентин развелся. Все равно развелся, много лет назад. Ушел из семьи добровольно, независимо от знакомства с мамой...

Но к кому он ушел? Вдруг в его жизни новая семья, и ро-

дился сын, и его назвали Валиком в честь отца?!

– Алло, – сказал на том конце связи мужской голос, на этот раз усталый и глуховатый. Сашка почти не узнала его и на секунду запнулась:

– Валентин...

И забыла его отчество. Вылетело подчистую.

– Я коллега вашей жены, – ляпнула первое, что пришло в голову.

– У меня нет никакой жены, – сказал он с расстановкой. – Вы кому звоните?

– Простите, я ошиблась номером, – выдохнула Сашка. Повесила трубку. Постояла несколько секунд, упершись лбом в пластиковую стену.

Он одинок, как и мама. Это, по крайней мере, справедливо... но ничуть не радостно.

* * *

– Оставь уже их в покое!

Сашка резко обернулась. Лиза стояла совсем близко, и непонятно, как она ухитрилась так бесшумно подойти. Сашка невольно напряглась, будто ожидая, что Лиза сейчас вспорет ей живот голыми руками.

Лиза увидела ее взгляд и отступила на несколько шагов. Примирительно растянула губы:

– Ты три раза набираешь свой домашний номер. И даешь

отбой. Думаешь, им сейчас нечего делать, только слушать твои звонки?

Сашка перевела взгляд на трубку в своей руке и осознала, что Лиза совершенно права. Неприятно, что она подглядывает, что знает Сашкин домашний номер... Впрочем, информационному объекту, Слову великой Речи, напрягаться и шпионить не надо. Лиза сейчас понимает о Сашке гораздо больше, чем той хотелось бы.

– Это не твое дело, – Сашка вернула трубку на рычаг.

– Отойди-ка, – Лиза шагнула вперед, Сашка едва успела ретироваться к кадке с фикусом. Лиза уверенно сняла трубку, покосилась на Сашку через плечо:

– Как зовут твою мать?

– Не вздумай, – пролепетала Сашка. И добавила через несколько секунд: – Ольга Антоновна.

– Ольга Антоновна? – заговорила Лиза в трубку очень мягко и очень уверенно. – Я давняя подруга Александры, звоню, чтобы высказать вам искреннее соболезнование и спросить, не нужна ли помощь? Любая?

У Сашки, кажется, отключился слух – как если бы над головой завелась турбина реактивного самолета. Лизе отвечали, она кивала так, будто собеседница была рядом, и говорила что-то еще – скорбно, сдержанно, страшно долго, как показалось Сашке. Потом повесила трубку, несколько секунд постояла, повернувшись к Сашке спиной, и снова глянула через плечо – вопросительно.

– Спасибо, – прошептала Сашка.

* * *

В комнате Лизы стоял табачный дух, о котором Сашка давно забыла. Лиза ухмыльнулась, прочитав выражение ее лица, упала в офисное кресло, закинула ноги на край стола:

– Забавно, что ты как ошпаренная выскочила замуж за одноклассника.

Сашка опасливо посмотрела на белую доску, закрепленную над столом. В магнитном стакане-держателе, кроме двух черных маркеров, помещался тюбик зубной пасты. Сашка несколько секунд смотрела только на него.

– Я думала, – с улыбочкой продолжала Лиза, – что в школе ты парней не видела в упор, только учебники, пятерки, вот это всё...

– Это не я выскочила за него замуж, – Сашка, с трудом отвернувшись от доски, искала, куда сесть, и осторожно опустилась на краешек стула. – Это была другая... женщина.

– Ты, конечно, – сказала Лиза тоном, не терпящим возражений. – Это была ты!

Она окинула Сашку оценивающим взглядом, будто выбирая товар на невольничьем рынке, и Сашке сделалось неприятно. Лиза мигнула, моментально изменившись, из торговки человечинной превратившись в юную, очень несчастную девушку:

– Может быть, где-нибудь в другом... параллельном тексте я счастливо жила со своим Лешкой... пока не разбежались, как это бывает. А может, и не разбежались...

Ее голос дрогнул, она смотрела теперь сквозь Сашку, сквозь стены, в пространство. Сашка открыла было рот, подбирая слова, уместные в эту минуту, – но Лиза не стала дожидаться утешения. Ее лицо снова изменилось, повзрослело, глубже запали глаза.

– Твоя мать отлично держится, вокруг полно людей, родственники, коллеги, все соболезнуют. Ужасно, короче, но естественно. Как обычно. Не вздумай лезть туда, Самохина. Это больше не твоё.

– Я и не лезу, – глухо сказала Сашка. – Я им... грамматически... чужая.

– И радуйся, – сказала Лиза с нажимом. – Радуйся, что чужая! Значит, он не станет их живьем жрать, когда ты провалишь зачет!

– Не провалю, – быстро сказала Сашка. Лиза снова окинула ее взглядом и решила сменить тему:

– А почему ты не рассказывала на первом курсе, что у тебя в школе была сумасшедшая любовь?

«Кому рассказывать, тебе?» – подумала Сашка, а вслух сказала:

– Не было никакой любви. Вообще не понимаю, как я на него купилась. Трус, позер, жлоб...

– Красавец? – Лиза прищурилась.

– Да. И очень популярный парень... был, – Сашка запнулась.

– Значит, все-таки влюбилась, – сказала Лиза задумчиво. – Такие, как ты, из первой же влюбленности делают белое платье с фатой и куклой на капоте...

Сашка придержала язык и не стала огрызаться. Хватит с нее сегодня резаных ран на свитере.

– От тебя фонит, – помолчав, сказала Лиза.

– Что?!

– Фонит, говорю, мужиком. Нормальным. Взрослым. Как если бы ты запала на кого-то, но не как девчонка, а... Ты извини, я в таком состоянии, что эти информационные потоки ловлю бессознательно. Как запахи, – Лиза улыбнулась непривычной, странно-деликатной улыбкой.

– Нет никакого мужика, – сказала Сашка так грубо, как только могла.

В насмешливых глазах Лизы ей померещилось сожаление.

* * *

Сообщение от Стерха пришло ровно в восемь: «Здравствуйте, Саша! Для выполнения основного задания откройте прикрепленный файл. Увидимся вечером, Н.В».

Она ткнула пальцем в строчку «Работа НО 1», чуть не проломив монитор. Экран залился красным светом – таким ярким, будто Сашку прижали носом к работающему свето-

фору. В центре экрана кружились три точки, будто горящие птицы в небе над мировой катастрофой.

Анимированная картинка была сродни черным «фрагментам», которые Стерх давал ей прежде. Сашка задержала взгляд на плавающих точках, пытаясь удержать их в поле зрения одновременно. Перестала дышать, начала мысленный отсчет: раз. Два. Три...

...Сто девяносто семь. Сто девяносто восемь. Сашка увидела себя падающей с неба, безвольно, вниз головой. Под ней был город с черепичными крышами, узкими улочками, флюгерами и ратушей, город из сказки, будто с картинки, но красный, и никаких других цветов здесь не было. Она забилась в воздухе, пытаясь вспомнить, как летают, но только ускорила свое беспомощное падение. Флюгер на ратуше сверху казался тонкой иглой, и он был все ближе, ближе, Сашка не могла отвести от него взгляд...

Флюгер проткнул ее, будто кузнечика, Сашка оказалась нанизанной на иглу в самой высокой точке города, она видела горы вдаль и арочные мосты и почти не чувствовала боли – хотя острие флюгера погружалось в живот и торчало слева из-под ключицы, у самого лица.

...И в этом был смысл. Тщательно выстроенный смысл, нанизанный на тот же флюгер специально для Сашки, с несколькими вариантами толкования, но вовсе не сложный: Сашка должна была извлечь из небытия некое понятие и применить к себе...

– Нет! – она задергалась, как бабочка на булавке. – Я отказываюсь, не принимаю, никогда!

Красный город расплылся перед глазами, превращаясь в условную картинку. Боль дернула – и сделалась реальной.

* * *

– Я понимаю, что сложно, – Стерх опустил рукав, прикрывая перламутровое зеркало на запястье. – Но вы ведь не рассчитывали, что будет легко?

Сашка сидела в четырнадцатой аудитории, прижимая бумажную салфетку к лицу. Носом шла кровь и не желала униматься. На столешнице лежал планшет с разбитым экраном.

Утром, придя в себя в своей комнате, она ничего лучшего не придумала, как запустить девайсом о стену. И даже не стала врать, что планшет разбился случайно.

– Николай Валерьевич... Работа над ошибками – это моделирование казней для меня, одна другой... экзотичнее?

Он прикоснулся к острому подбородку немного нервным, скованным движением:

– Нет... Вы поняли неправильно. Я удивляюсь, откуда у вас такие мысли, вы давно не первокурсница! Это не наказание. Это работа. И ее придется продолжать.

– Но планшет... – с дрожью в голосе начала Сашка.

– Экран поменяют, – он не дал ей договорить. – Я распряжусь, чтобы его прикрыли защитным стеклом... Не пере-

живайте из-за планшета.

Сашка сунула грязную салфетку в карман и вытащила из пачки следующую. Она чувствовала себя много хуже, чем несчастный девайс, но ей защитного экрана никто не предлагал.

– Открывайте тетрадь, – сказал Стерх с деланой бодростью. – Пишите на первой странице, под заголовком... Что это было – модель или проекция?

– Модель, – Сашка опустила голову. – Со встроенными... смыслами.

– Ну так опишите эти смыслы, – его голос сделался вкрадчивым.

На первой строчке сверху было криво нацарапано: «Работа над ошибками». Сашка замешкалась, в этот момент капля крови из носа, которую она не успела поймать, шлепнулась на линованную поверхность и зацвела, как мак.

– Продолжайте, – сказал Стерх, и сказал без издевки. Сашка вскинула на него глаза – Стерх смотрел серьезно.

Сашка взяла ручку. Провела по бумаге – стержень не писал, только царапал страницу.

– Продолжайте, – с нажимом повторил Стерх. – Ну же. Сашка перевела взгляд на страницу. Еще одна капля крови упала рядом с первой. Сашка, ни о чем не думая, обмакнула шариковый стержень в свежую кляксу.

«Выполняя работу НО 1...»

Ручка выводила буквы на удивление легко, будто ее и вы-

пустили на китайском заводе затем, чтобы писать кровью.

«...Я получила доступ к информационной модели...»

Она замерла, глядя на кривые строчки, из красных делающиеся рыжими. Новая капля сорвалась с кончика носа. Сашка еще раз обмакнула стержень:

«...Не поняв сути задания, я не смогла с ним справиться...»

– Но вы поняли суть задания, – тихо сказал Стерх.

– Нет! – Сашка вскинула голову.

Стерх молча открыл ящик стола, склонившись, заглянул внутрь, озабоченно сдвинул брови; Сашка отчаянно понадеялась, что Стерх ничего не найдет, но он выудил откуда-то из глубины папку с бумагами и отдельно большой конверт. Встал, отошел к подоконнику, повернулся к Сашке спиной, перекладывая бумаги, загородив их от Сашкиных глаз.

– Откроете завтра в восемь. Ни секундой раньше, ни секундой позже, – он положил перед ней на стол запечатанный конверт.

– А записывать, – вырвалось у Сашки, – писать в эту тетрадку обязательно кровью?!

– Не обязательно, – сказал он серьезно. – Но кровь – не только физиологическая жидкость, но и катализатор множества смыслов... Вы уже взрослая, не надо трусить, как ребенок в кабинете врача. Вы справитесь, если будете честно работать.

Его голос не дрогнул, но Сашка вдруг поняла, что он врет

ей сейчас. И, возможно, врет себе. «Вы справитесь» – опустевшие слова, лишённые смысла, заклинание, потерявшее силу.

– Вы же не напишете докладную? – спросила Сашка шепотом.

Он покачал головой, не глядя на нее. Потом вздохнул:

– Я никогда не жалуясь куратору на своих студентов. Вы же знаете. Но... будет зимняя сессия, будет ведомость, будет оценка. И тогда я ничем не смогу вам помочь.

* * *

Однокурсники, почти в полном составе, сидели вокруг барной стойки, кто со стаканом кофе, кто с планшетом, кто со смартфоном. Сашка, как и в прошлый раз, на секунду остановилась в дверях; Кости, к счастью, здесь не было, зато Лиза стояла у дальней стены, на весах, перед зеркалом. Сашка встретила ее взгляд в отражении.

– Ужасно выглядишь, – мимоходом заметила Аня Бочкова.

Сашка сделала беспечное лицо. Ее штопанный свитер украсился еще и рыжими пятнами, нос распух, она не строила иллюзий насчет своей красоты.

– Лиза, – ей пришлось преодолеть мгновенную неловкость. – Можно тебя на минуту, если ты не занята?

Однокурсники переглянулись – с откровенным недовери-

ем, удивлением, даже растерянностью. Небо упало на землю, говорили их взгляды; Лиза с бесстрастным лицом вышла вслед за Сашкой в коридор, потом в холл, где бесшумно работал телевизор.

Лиза тут же вытащила сигарету из кармана спортивных брюк и щелкнула зажигалкой.

– Третье задание на экзамене, – шепотом сказала Сашка. – Что у тебя было?

Лиза, зажав сигарету в губах, все так же держала перед лицом огонек зажигалки, длинный, светло-оранжевый, и смотрела в огонь остановившимся взглядом. Так продолжалось несколько секунд. Сашка испугалась, что Лиза сейчас швырнет ей в лицо эту зажигалку.

Наконец Лиза вздохнула и выдохнула, закурила, глубоко затянулась, убрала зажигалку в карман.

– Не собираюсь обсуждать детали, – сказала глубоким, спокойным, почти равнодушным голосом. – Но по сути – нас присвоили. Как мы присваиваем вещи или понятия...

Левой рукой, свободной от сигареты, она потянулась к телевизионной панели, и рука удлинилась, будто телескопическая антенна, вытянувшись метра на три. Коснувшись экрана, ладонь расплылась, растеклась тонкой пленкой, стали видны кости и сухожилия и сквозь них – диктор, читающий прогноз погоды. Секунда – диктор закашлялся, прижимая ладонь к горлу, не в силах сказать ни слова, глядя в камеру испуганными глазами. Лиза отняла руку от экрана. Заискрил

провод за панелью. Экран погас.

– Как мы присваиваем вещи, понятия или людей, – повторила Лиза, разминая пальцы. – Но мы уже – после экзамена – части Речи. Ни один из нас не целое и никогда не будет целым, а только часть, фрагмент...

Сашка помахала рукой перед лицом, отгоняя дым, и отступила на несколько шагов. «Речь будет пользоваться вами», – сказал когда-то Олег Борисович Портнов...

Сашка встала на цыпочки перед телевизионной панелью и дотянулась до экрана. Присвоила пластиковую рамку, начиненную электроникой, но не ощутила внутри ничего, кроме микросхем, контактов и типовых плат.

– Молотком постучи, – насмешливо сказала Лиза за ее спиной. – Отличница.

– Теперь ты у нас лучшая на курсе? – Сашка потерла ладонь. Кожа почесывалась, как после пары комариных укусов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.